

АЛЕКСЕЙ ШАТРОВ

f($\frac{\Phi\Omega\rho\mu\nu\pi\lambda}{\Psi\Upsilon\Gamma\mu\zeta\eta\theta}$)

Алексей Васильевич Шатров

Формула

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29491817

SelfPub; 2018

Аннотация

Отчаявшийся неудачник неожиданно обретает доступ к странным и необычным возможностям. Кое-как научившись их использовать, он начинает чувствовать себя почти сверхчеловеком. Как выясняется – всё не так просто!..

...Трава была слишком зелёная и такая густая, что скорее походила на мох, если не принимать во внимание её длину. Практически, она закрывала мои колени. Со стороны я, скорее всего, выглядел ползущим при помощи рук обрубок. В общем, бежать по такой траве было небольшим удовольствием. Собственно говоря, никаким не удовольствием. В сущности, это было крайне изматывающее и практически бесперспективное занятие. Бежать, продираясь через траву, хватающую тебя за колени можно не слишком долго. И самое главное – так ни от кого не убежишь.

Между тем, именно это я и пытался сделать. Не знаю, что именно гналось за мной – я ни разу не оглянулся, – но двигалось оно не слишком быстро. Возможно, трава мешала ему не меньше, чем мне. Возможно, оно не торопилось, ожидая пока человеческий обрубок, обессилев, нырнет лицом вперед и его можно будет найти по следу. Возможно, ему просто нравился процесс.... Скорее всего, именно так. Не думаю, что меня было так уж трудно догнать. Тем более для такой молчаливой и упорной твари.

Молчаливой.... Я действительно не слышал от неё ни звука с начала погони. И вот – свершилось.

Крик вошел в мои уши, металлическим ветром пронёсся по мозгу и осел на внутренней оболочке глаз. Не ледящий душу, но достаточно неприятный. И наводящий на мысль, что тварь подобралась достаточно близко для атаки.

Тварь? Собственно говоря, я не видел, что это. Это мог

быть и ангел. Но весьма озлобленный и, безусловно, опасный.

Ещё один крик. Близко – практически за моей спиной. Я могу бежать и дальше – но разве не интересно напоследок узнать от чего? Всё закончится прямо сейчас – почему бы и не посмотреть? Я разворачиваюсь – теряю равновесие – падаю лицом вниз – натыкаюсь на что-то – открываю глаза – вижу пол своей спальни.

Звонок.

Банальный дверной звонок. Он повторяется еще раз – теперь одиночный. Что за хренова навязчивость в такую... собственно нет, уже больше одиннадцати. Если, конечно, мои настенные часы не остановились вчера – а вчера это могло произойти. Как и позавчера.

Вот сегодня – совсем другое дело.

Открыв один глаз и преодолевая легкий крен при поворотах, я добираюсь до двери. Открываю, не спрашивая, – дурацкая привычка, когда-нибудь я получу за неё по репе.

Но, похоже, всё-таки не на этот раз.

– Здра-авствуйте, Эдуард Сергеевич!

Не мужик – не старец: среднего роста, в бежевой спортивной куртке, но при галстукe подходящего цвета. Серые волосы средней длины, вполне молодые глаза – голубые, хотя и какие-то выцветшие. На серийного убийцу похож не очень,

но он знает, как меня зовут – а разве это не самый верный признак?

– Мы знакомы? – слышу я карканье откуда-то изнутри. Обычно, голос у меня звучит получше. Но для этих обстоятельств сойдёт и так.

– Пока нет, – тембр какой-то странный, но неприятным не назовёшь. – Точнее, я вас немного знаю, а вы меня – нет. Но это, как говорится, дело поправимое, не так ли?

– Вербуете в «Аум»? Продаёте лотерейные билеты? – звучит почти узнаваемо, хотя со знакомыми разговаривать пока рано.

– Ни то, ни другое, хотя второе ближе. Впрочем, что же мы тут стоим?

Не знаю, почему, но я отступаю внутрь и даже делаю что-то похожее на приглашающий жест. У меня двухкомнатная квартира; в одной из комнат я сплю, другая служит для всех прочих надобностей. Хотя, об этом можно поговорить и попозже. Сейчас поговорим о кухне, поскольку именно на ней мы и расположились. Говорить будем недолго – кухня находится посередине и довольно просторна для тридцатилетнего дома стандартной планировки. Естественно, из-за того, что предыдущие владельцы соединили её с лоджией. Таким образом, помимо всяких кухонных причиндалов в ней помещаются три табурета и кресло, и в нём как-то сразу очутился гость. Усевшись, он подался вперед и сложил ладони перед собой. Только теперь я заметил у него между ног портфель,

довольно потертый, но потёртый как-то благородно, если вы понимаете, о чём я говорю. Я покосился на составленные в угол пустые коньячные бутылки – обычно они отправляются в мусоропровод сразу после моего пробуждения, но сегодня оно ещё не наступило, не так ли?

– Слушаю вас внимательно, – говорю я нейтральным, как мне хочется верить, голосом. Фраза, само собой, идиотская. Но на большее, в данном случае, мои мозги не расщедрились.

– Внимательно, как раз, не стоит, Эдуард Сергеевич, – мой посетитель откинулся назад, но положения рук не изменил. – То есть слишком уж внимательно. Внимание вам потребуется, но побоюсь этого слова, ...рассеянное. В данном случае для восприятия так будет лучше. И я даже полагаю, что...

Он быстрым движением открыл свой портфель и поочерёдно извлёк бутылку трёхлетнего «Кизляра» – живую сестру упомянутых, ожидающих когда их понесут в последний путь – запотевшую минералку и лимон. Почему-то уже нарезанный и на пластиковой тарелочке. Составил припас на стол, осмотрел.

– Знаю, лимоном коньяк не закусывают, но... может пригодиться. Я буду говорить необычные вещи. Данный момент я выбрал сознательно – возможно вам будет проще воспринимать, – он сделал короткую паузу, – Вы не спросили моё имя. Можете называть меня, скажем, Александром Петровичем. Но на самом деле, я – Тамсанарп, гномон девятого

уровня. И нахожусь здесь для того, чтобы сообщить вам вашу, не побоюсь этого слова, ИФВ.

...Пожалуй, здесь самое время прерваться и немного рассказать о себе и наиболее важных предшествующих событиях. Вообще-то я люблю романы, написанные от первого лица, в которых герой на пятисотой странице оказывается неродившимся мертвецом, но в моём случае это будет ненужной экстравагантностью. Вы поймёте, о чём я. Или уже поняли.

Итак, к тридцати пяти я был уже двенадцать лет как женат, успел обзавестись дочкой, которая родилась на втором году брака и работал в успешном рекламном агентстве. Вне-су уточнение – не просто работал, а был одним из компаньонов – что и повлекло за собой печальные последствия, когда наши дела пошли не так.

Служащий всегда может спрыгнуть с едущего под откос поезда. Совладельцу приходится оставаться за штурвалом до тех пор, пока чертов драндулет не развалится. Во всяком случае, если он такой тупой идиот, как я.

Не буду рассказывать подробности – вы всегда можете почитать Драйзера или полсотни других авторов. Хочу только заметить, что люди, в большинстве, ведут себя в жизни гораздо приличней, чем в этих романах. Возможно, человечество за сто лет изменилось к лучшему. Возможно, это я такой везучий парень. Так или иначе, но, в самом неудачном

с точки зрения объявлений о приёме на работу, возрасте я оказался без таковой. И без особых на неё перспектив, надо сказать. Я, в сущности, управленец, а не художник-дизайнер. А управленцев в нашем бизнесе можно по пальцам пересчитать – и все они, по совместительству, владельцы. Или наоборот.

К счастью, у меня на руках не осталось семьи – в том смысле, что жена прекрасно управлялась в своей нотариальной конторе (хотя и не была там компаньоном) и в последние годы, по мере того, как мои дела шли всё хуже, стала зарабатывать больше меня. Пожалуй, даже значительно больше. Практически, уже года два дом содержала она. Некоторое время это казалось мне не совсем приличным, но человек обладает удивительными способностями к адаптации. Так что, проблема с семьёй была моральной, а моральные проблемы можно успешно решать – особенно, если вы прожили в браке достаточно лет, чтобы стать просто друзьями.

Итак, я отправился на поиски какой-нибудь службы, и буквально через неделю, нашёл её. Точнее, мне её нашли. Не то чтобы я всю жизнь мечтал о чём-нибудь подобном... Скорее наоборот – именно от этого я в своё время благополучно ускользнул. Как выяснилось, ускользнул временно. А какой смысл пытаться быть разборчивым, если однажды ты уже не разобрался?

– Пожалуй, с Александрями Петровичами и тому подобными я за эти годы уже наговорился. Побеседовать с госпо-

дином Тамсанарпом, наверно, будет, поинтересней, – я ненавязчиво скрутил пробку и глотнул из горлышка. Что поделать – посмотрелся фильмов про рефлексирующих американских героев. Делаю это только наедине с собой. Или в очень узкой компании. Или в особых случаях. Короче, достаточно часто.

– Вы смогли повторить моё имя? – Мой посетитель жестом выразил одобрение.– Впрочем, понимаю, это профессиональное. Жизнь в мире слов и так далее. ...Нет-нет, – он отрицательно помахал рукой. – Это для вас. Мне не подходит. Я как-нибудь объясню.

Что же тебе подходит? Горячая смола? Потроха свежерождённых младенцев? Парное молоко?

– Но вот то, другое слово – не думаю, что смогу повторить его с первого раза.

– В повторении этого слова нет необходимости. Собственно, это и не совсем слово. Аббревиатура. Довольно дурацкий способ исказить речь, на мой взгляд. Впрочем, не буду судить... ИФВ – это Индивидуальная Формула Воплощения. Проще говоря – ваше персональное волшебное слово.

...Сумасшедший – это очевидно. Вроде бы, не очень опасный. Хотя, как насчёт нарезанного лимона? Возможно, у него в портфеле нож. Или он всегда ходит укомплектованным для небольшого пикника?

Тамсанарп сидел, не меняя позы, и смотрел на меня очень внимательно. Явно ожидал продолжения разговора. Я потя-

нулся к бутылке, глотнул. Понял, что делать этого не стоило. В голове ощутимо прояснялось, это факт, – но если продолжать, оптимальный момент можно и проскочить.

– Волшебное слово? Типа «По щучьему велению... лети, лети, лепесток...»?

Гость охотно закивал.

– Совершенно верно. Только в вашем случае это будет «скута-тексуда». Затем следует добавить побуждение. Например, «Хочу, чтобы... ». Или «Да свершится по моей воле... ». Можно просто «Пусть... ». Точность формулировки здесь значения не имеет – главное общий смысл. После этого можно излагать пожелание – кратко и непротиворечиво. Наконец, закрепляете всё сказанное повторением Формулы. И ...

– ...Скута – это римский легионерский щит, – я сделал вид, что задумался, но слова возникали в голове сами. Память не любит, когда её напрягают. По крайней мере, моя. Если не можешь вспомнить, сделай вид, что это не принципиально, и получишь желаемое – если не мгновенно, так в самом обозримом будущем. Возможно, актуальность будет несколько утрачена. Но, по мне, это лучше, чем лупить себя по голове изнутри.

– Слова «тексуда» я не знаю. Есть слово «тестудо», и оно означает римское построение «черепахой» – с теми самыми щитами.

Выцветшие глаза Тамсанарпа приняли ласковое выраже-

ние, он охотно закивал.

– Именно. Но, понимаете ли, в чём дело... Вы пытались вспомнить эти слова не далее, чем неделю назад – и последнее вам не давалось. Трижды вы повторили «скута – тексуда» именно в такой последовательности...

– ...Потом я вспомнил...

– ...И это замечательно! Это дорогого стоит. Но гораздо дороже стоит, не побоюсь этого слова, ваша ошибка. В хорошем смысле слова, разумеется. Я бы даже сказал – в наилучшем... Поскольку в этот чудесный момент вы произнесли свою личную формулу – совершенно случайным образом, причём именно нужное количество раз. Нам потребовалось некоторое время, чтобы навести справки – и вот я здесь!

Гость вскинул руки вверх и озарил меня взглядом, полным удовлетворения и радушия.

...Неделю назад я заменял заболевшего историка – этим и объяснялся мой воскресший интерес к временам Древнего Рима. ...Кажется, я ничего не сказал о своей новой работе? Что ж, время самое подходящее.

Не то, чтобы я с предубеждением относился к преподавательской деятельности, как таковой... Отданные ей в свое время три года не снятся мне в кошмарных снах. (Два последних года – это, конечно, другая история. Новейшая, так сказать. Но разница не так уж велика. Я, во всяком случае, изменился сильнее).

Существует несколько мифов о средней школе и работе в ней. (Я называю все эти лицеи, гимназии и т.д. средней школой. Извините).

Миф первый – работа в школе неимоверна тяжела. В сущности, да – для тупиц и бездарностей. Любая работа требует профессионализма и некоторого количества способностей. Научиться учить можно. Но далеко не у каждого это получается. Почему-то именно такие экземпляры отправляются прямиком в классы.

Миф второй – дети ужасны и становятся всё ужасней год от года. Это преувеличение. Дети, конечно, меняются, и за ними надо суметь угнаться. Основная проблема в том, что они жутко неполиткорректны. Если вы им не нравитесь, они становятся ужасны. И наоборот. Я, как правило, нравился.

Миф третий – в школе невозможно заработать. На яхту, конечно, нет. Но если работать в нормальной школе при нормальной нагрузке и не гнушаться побочными возможностями (частные уроки – только одна из них), будешь чувствовать себя нормально.

Таким образом, при содействии одного из своих старых институтских приятелей, я оказался в школе. Разумеется, заведение называлось «частный лицей» и считалось среди подобных себе элитным. Тем не менее, чувство дежавю возникло у меня при первом же посещении, а со временем только укрепилось. Я вошел в ту же воду – через пятнадцать лет.

–... Небольшая справка – для лучшего понимания про-

блемы, так сказать, – гость опять наклонился ко мне – само расположение и участие. – Индивидуальная Формула Воплощения даётся каждому человеку – не спрашивайте, каким образом это происходит, я толком и сам не знаю. У некоторых счастливых их почему-то бывает несколько. При этом сила воздействия каждого отдельного индивидуума различна – у вас, например, восьмой уровень. Принимая во внимание, что всего их десять, очень неплохо. Даже, не побоюсь этого слова, превосходно. ...Далее – уровень не даётся раз и навсегда – он убывает или прибывает в зависимости от того, насколько правильно вы используете Формулу. Впрочем, об этом мы потом поговорим подробнее, это слишком важно. Сейчас же вы просто должны осознать факт своего везения. На самом деле, шансов активировать Формулу у человека на удивление мало. Иногда это попросту какая-то тарабарщина, иногда – нечто на иностранном языке. Десятки миллионов людей живут и умирают, не подозревая о своём скрытом могуществе. Но вот находится счастливчик – и произносит магическое слово. Причём делает это трижды, как и предписано правилами. Тут на сцену выходит один из нас. Мы обучаем, даём советы и предостерегаем от ошибок.... Кстати, не пора ли вам, не побоюсь этого слова, попробовать? Я имею в виду, применить Формулу.

Я машинально глотнул из бутылки, понимая при этом, что в голове по-прежнему становится всё яснее. Верное доброе зелье не уводило меня из реальности. Впрочем, наступ-

пила какая-то другая реальность. Возможно, для ухода из неё требовалось что-то позабористей. Так или иначе, я сидел в странной компании и внимательно слушал. Более того, воспринимал происходящее вполне серьёзно. С некоторым отстранённым любопытством, но совершенно без недоверия. Человек со странным именем вполне обыденным голосом говорил невероятные вещи. Может, мне уже удалось сбежать от реальности – причём слишком далеко?

...Бегство от реальности началось у меня по мере накопления проблем на старой службе и успешно продолжилось на новой. В сущности, я потерпел полный крах. В таких случаях люди, вроде бы, вешаются – или начинают лихорадочно искать выход. Со мной не случилось ни того, ни другого. Я тупо плыл по течению. Течение не подводило меня на протяжении всей жизни. ...Может быть, и подводило – но я об этом не знал.

Интеллигентный алкоголизм заключается в том, что ты пьёшь постоянно, но надираешься редко и незаметно для окружающих. Конечно, норма у каждого своя и тут легко впасть в заблуждение, но пока мне удавалось соблюдать некую золотую середину. Во всяком случае, сочувственных взглядов я на себе не замечал. И не то чтобы просто не замечал – их не было. При моей теперешней должности такие взгляды недолго оставались бы только взглядами. Конечно, наша директриса Вероника была в курсе – при наших-то

специфических отношениях. Но истинную степень моей зависимости она недопонимала. Что не мешало ей составлять очень удобное расписание – все мои уроки начинались ближе к обеду, и утомлённое выражение успевало сойти с лица. Что касается отношений... Вероника – высокая и довольно крепко сбитая крашенная блондинка того неопределённого возраста, когда женщине не то за сорок, не то под пятьдесят. Собственно, почти моего возраста. На работу меня принимала, естественно, она – поэтому повышенный интерес к моей персоне в первое время был вполне объясним. Слово за слово – а там, месяца через два случился какой-то Новый Год...

Затрудняюсь определить, кто кого тогда трахнул, но дело это произошло, затем повторилось и довольно быстро стало нормой. Вероника, в сущности, дамочка вполне в моём вкусе – к тому же без претензий на руку и сердце, поскольку где-то там имеется муж, с которым, правда, похоже, она вовсе и не живёт. Если продолжать, то Веронике вообще нет дела до той части моей личной жизни, в которой она не присутствует. В сущности, это очень удобно – даже удобней, чем трахать своего непосредственного руководителя, уперев его в собственный рабочий стол и заголив ровно необходимую для контакта площадь. При этом Вероничка, в основном, молчит из соображений конспирации, так что мне не всегда бывает просто понять, как обстоят дела. Лишь раз она проявила себя, причём с довольно неожиданной стороны.

Это случилось примерно на десятом сеансе – я не настаиваю на точности; хочу только пояснить, что прошло определённое время. Мы расположились в обычной эконом-позиции: я сзади, Вероничка упирается крепким наманикюрованными пальцами в свой начальственный стол... В какой-то промежуточный момент она делает движение ягодицами, соскакивает с моего парня, перехватывает его рукой и вставляет себе в задницу. Естественно, всё происходит бесшумно, и я продолжаю – слегка удивленный, но надеюсь, что ошибки не произошло. Не скажу, что я имею что-нибудь против траханья женщины в анус – хотя предпочитаю дать ей в рот. В сущности, традиционное отверстие занимает в моём рейтинге, скорее, последнее место. Если задуматься, в этом нет ничего хорошего – возможно, я скрытый гомосексуалист?

Так или иначе, но мои отношения с начальством именно таковы. Не думаю, чтобы это стало известно – у Вероники профессионально строгий вид и даже мне бывает нелегко представить её в той позе, которую я регулярно наблюдаю воочию. Конечно, наша взаимная симпатия не секрет, но это ведь дело совсем другое. В конце концов, не так уж часто я бываю в директорском кабинете. И на лице у меня при выходе, надеюсь, не написано, что я только что отпердолил хозяйку кабинета в пукальник.

-...Вы хотите сказать – я могу попробовать произнести эту тарабарщину и пожелать... чего угодно?

Вздор, вздор. Заклинания Вуду. Магические формулы языческих жрецов. Молитвы христиан?

– Вы совершенно верно схватываете суть! – Тамсанарп удовлетворённо заёрзал в кресле. – Хотя количество людей, сумевших активировать Формулу, исторически ничтожно, магия слов всегда привлекала человека. Поиски философского камня – это, в сущности, неосознанные, не побоюсь этого слова, поиски Формулы. Проблема в том, что искали некое универсальное знание, в то время как Формула строго индивидуальна. Чужая Формула для вас была бы совершенно бесполезна – ваша бесполезна для всего остального человечества: живущего ныне, умершего, будущего. Прелестно, не правда ли? Отпадает всякая необходимость хранить секрет, передавать его по наследству и так далее.... Но вы не можете пожелать чего угодно!

Гость сделался серьёзен. Возникла пауза. Похоже, он умеет читать мысли? Или я уже сам не понимаю, когда говорю вслух? Впрочем, если он – порождение моего возбуждённого алкоголем воображения, это не так уж и важно...

– Я не порождение вашего воображения. Пожалуйста, будьте серьёзны. Тем более что мы дошли до крайне важного момента.

Тамсанарп поднялся с кресла и уставился на меня сверху вниз. Теперь он казался высоким, как башня – во всяком случае, гораздо выше, чем поначалу. Голос его стал вполне определённым и даже как будто начал отдавать металлом.

– Мы переходим к Принципу Соответствия Реальности. От этого будет зависеть многое – и, в первую очередь, продолжительность срока вашего пользования Формулой, а также рост или угасание ваших способностей. Если коротко, Принцип заключается в том, что использование Формулы не может создавать у окружающих вас людей чувства нереальности происходящего. Они должны иметь возможность дать ему объяснение, исходя из своих обычных представлений об окружающем мире... Я не слишком путано выражаюсь?

– Немного есть, но суть я ухватил, – одновременно я ухватил бутылку. – Хрустальные дворцы за одну ночь, как я понимаю, отпадают?

– Вы совершенно точно поняли! – Гость просиял и стал заметно меньше ростом. Медь в голосе тоже пошла на убыль.

– Миллион долларов я тоже не могу пожелать?

– Можете – находясь в пределах этой комнаты и в одиночестве. Тратить его придется так осторожно, как будто он краденый. Пятьсот лет назад вы могли отъехать на тысячу километров и сказаться богатым купцом из далёких земель. Проверять никто бы не стал – да и каким образом? Сейчас совсем другие времена – вас угораздило жить в век информационных технологий.

– Но могу я, скажем, выиграть в телевикторине?

Тамсанарп одобрительно кивнул.

– Вы ловите на лету. Ваша асоциальная слабость совершенно не идет вам во вред. Полная, не побоюсь этого слова,

интеллектуальная адекватность. Небольшие проблемы с памятью – но, в нашем случае, ведь именно это позволило вам набрести на Формулу.

Чёрт, он поёт гимн моему алкоголизму. И при этом совершенно прав. Кстати, я что-то читал об американском парне, который выиграл за жизнь, по крайней мере, полдюжины лотерей. Тоже обналичивает Формулу?

...С женой мы разъехались бесшумно.

Случилось так, что одна из моих тётушек преставилась, оставив совершенно неожиданное завещание по поводу своей жилплощади. Не то, чтобы этой самой тётушке уделялось чересчур много внимания – хоронили её, по правде говоря, именно мы, но так уж вышло. О последней воле покойницы на тот момент, кстати, известно ещё не было. Так или иначе, происшедшее не могло быть понято иначе, чем Знак.

Я вступил во владение тётушкиной квартирой и очень вскоре туда перебрался. Ремонт был минимален, меблировка – тоже. Основными предметами мебели для меня давно стали диван и телевизор. Что касается холостяцкого быта... К еде я всегда был достаточно равнодушен. В наши дни существует столько пластмассовых продуктов, что умереть с голоду довольно затруднительно. Говорят, они не очень полезны. Даже попросту вредны. Но я, в сущности, не очень боюсь испортить свой желудок.

Совершенно неизвестно, сколько мне – да и всем нам,

осталось. Борьба за здоровье слишком занимает умы наших современников. И толкает их на бессмысленные траты, обидные потери времени, и, главное – утрату истинной веры, то есть веры в простёртой над ними руке. . . . Впрочем, я, кажется, слегка отвлёкся.

Как выяснилось, для уборок существуют специальные фирмы. (В том числе и с интимом, при этом качество уборки совершенно не страдает). Химчистки и механические прачечные круглосуточно готовы избавить вас от пятен кетчупа и запаха рыбы. Пуговицы я умею пришивать сам – но для этого наверняка тоже есть специалисты.

Мы не стали разводиться официально – практической необходимости в этом пока не было.

– Вероятно, я должен буду как-то заплатить? Бессмертная душа, договор, подписанный кровью?

В ответ на мой вопросительный взгляд Тамсанарп развёл руками и практически заулыбался. Но тут же принял свойственный ему корректный вид.

– Нашими правилами это не предусмотрено. Обретение Формулы – сугубо ваше личное достижение. Или везение – разница, не побоюсь этого слова, не так уж велика. Моя задача – помочь вам осмыслить Её и научить, так сказать, правилам пользования. Кстати, мы отвлеклись. Пора вернуться к нашему эксперименту. Пожалуйста – я хотел бы убедиться, что всё работает. По крайней мере, на данный момент.

Если уж взялся потакать маньяку, то останавливаться нет смысла. Я опустил глаза на свою (его) бутылку и увидел, что она пуста почти наполовину. А что? Желание ничуть не хуже другого. По крайней мере, рациональное и вполне искреннее.

Я сделал, вроде бы, достаточно серьёзный вид. Напряг плечи и выпрямил спину. Закатил глаза.

Проникновенным голосом высказал поведанную мне та-рабарщину.

В качестве связки я использовал «Прошу вас, чтобы свершилось...»

Откатил глаза обратно. Вроде бы, так не говорят, но каков синоним?

(Надеюсь, сноска на слово «синоним» не нужна – невзирая на эпоху SMS).

Посмотрел перед собой.

Бутылка была полна.

Или он как-то её подменил? Может, долил. Но не за эти же несчастные секунды. Впрочем, если так, то в моём госте уже хватит материала на статейку в «Необъяснимых фактах».

– Очень практичное пожелание. Экономное, не нарушающее Принципа, и вполне в соответствии с вашими э-э... наклонностями. Отличное начало.

Тамсанарп несколько раз кивнул и снова уставился на меня с выражением крайнего внимания.

– Но вы всё ещё не вполне верите мне – а, значит, и себе.

Собственно говоря, себе в первую очередь. Возможно, вам следует побыть одному. Осмыслить происшедшее. С вашего позволения...

Он исчез.

Запаха серы не ощущалось.

Лимон, минералка и коньяк совершенно не пострадали.

Я понял, что, скорее всего, ещё не просыпался. Или это белка?

Нет, первый вариант нравится мне гораздо больше.

...Жизнь может вести вас напрямиком в тупик.

Или стремительно возносить всё выше и выше, подобно приливной волне.

Цунами – практически, тоже приливные волны.

Мой случай – это не слишком широкий коридор. Освещённость всё время меняется. По обеим сторонам – соответствующие картины. Света впереди не видно. Вообще говоря, впереди не видно ничего – видно только то, что по сторонам. И в данный момент.

По месту работы я занимаю общественную должность секс-символа. Если кто-нибудь мечтает достичь того же, даю подсказку.

Самый верный способ – не иметь ни с кем отношений, за исключением вербальных. И, от случая к случаю, тактильных. То есть, говоря попросту, легких, изящных зажиманий.

Если вы не очень понимаете, что это такое – советую воз-

держаться от второй части. В сущности, в юридическом отношении это не опасно. Слухи о широком распространении исков по поводу сексуального домогательства сильно преувеличены. По крайней мере, в этой стране – здесь пока ещё навалом проблем посерьёзней. И потом – если вы станете уворачиваться от соприкосновений с коллегами противоположного пола – не подумают ли о вас то, что из таких действий вполне вытекает?

Один из моих приятелей бросил работу в школе, поскольку проникся мнением, что в глазах общественности это автоматически зачисляет его в предположительные педофилы. По-моему, он чересчур чувствителен.

Семнадцать лет назад, на третий или четвёртый день своей учительской карьеры, я проверял тетрадки. Дело было относительным вечером – то есть, по окончании второй смены. Старшеклассницы, в количестве доброго десятка, пришли со мной знакомиться, – и мы очень мило провели время. То есть, мило поболтали. В сущности, это не совсем моё представление о хорошем проведении времени с вполне годными, по крайней мере, на вид, к употреблению девицами, – но, как я уже сказал... Наша разница в возрасте составляла от силы семь лет. Не очень помню затронутые темы – во всяком случае, наутро, мой педагогический рейтинг вырос на порядок.

В позапрошлом году ситуация повторилась с пугающей точностью. (Я имею в виду ощущение дежавю, естественно.

В самой ситуации ничего страшного не было).

Некоторые осложнения чуть не возникли позже – но об этом в другой раз.

Итак, никаких отношений.

Я не забыл свою начальницу. Я просто тактично о ней умалчиваю.

Также я пока умалчиваю о нашей школьной медсестре. (Или лицейной)? Но, совершенно очевидно, нашей. Ни у кого не хватило бы самоуверенности назвать её просто своей. Я имею в виду замечательную медсестру Лену по прозвищу «Железные колени». Попозже мы с ней познакомимся.

...Случилось так, что вторично за этот день в себя я пришёл опять лёжа – правда, не в кровати, а на диване. Как ни странно, в голове у меня практически полностью прояснилось.

Видимо, из-за этого идиотского сна.

Время приближалось к трём. Я дотянулся до «листалки» и включил телевизор. (Здоровенный ЖК и кинотеатр были куплены на остатки бывшего благосостояния – равно как и довольно навороченный компьютер, которым я, правда, не очень-то умею пользоваться. Современному человеку эти причиндалы заменяют мебель, так что торг здесь неуместен и приходится вкладываться по полной).

Сон, впрочем, не такой уж идиотский. Скорее, забавный. И даже, в чём-то, заманчивый. Да что там – крайне заман-

чивый.

Новости были какие-то скучные. По воскресеньям редко что-нибудь происходит. Оно, в сущности, и понятно – у всех выходной.

Не выключая телик, я поднялся, зашёл в туалет, обстоятельно отлил, и только после этого заглянул на кухню.

Обе бутылки и нарезанный лимон в пластиковой тарелочке находились на своих местах.

Если выбросить из головы давешний сон, то не могу припомнить, откуда взялись эти предметы. Впрочем, открытие скорее приятное – обычно, после бурного уик-энда, скорее, чего-нибудь недосчитываешься. Хотя, какой же он бурный? Вполне стандартный – для меня – уик-энд.

Я открутил пробку, с некоторой опаской понюхал. Нормальный коньяк. Следовало, пожалуй, снять пробу. Вполне положительный результат.

Теперь необходимо закурить и хорошенько задуматься.

Вообще говоря, с запоминанием снов дело у меня обстоит плохо. Скажем так – проснувшись в середине кошмара, я помню его в деталях – но только до следующего пробуждения. Иногда получается видеть сон не только изнутри, но и как бы со стороны. В этом случае можно, до известной степени, управлять событиями, – вот только не знаю, настоящий ли это сон, или разновидность какого-нибудь другого состояния.

Так или иначе, недавние события я помнил необычайно

хорошо.

И, главное, – помнил Формулу.

О Принципе, кстати, тоже.

Некоторые осложнения, о которых я упоминал, начались тогда, когда одна из моих старшеклассниц решила, что влюбилась. Не то, чтобы она обрывала мне телефон или караулила в подъезде. Не делала попыток остаться после уроков под предлогом крайней непонятливости. Не заходила, невзначай, на перемене, чтобы с недвусмысленным видом облокотиться на стол.

Эта сучка сочиняла стихи.

И приносила их на рецензию.

Вы можете представить такое испытание? Это же прямо Данте!

Если вдуматься, в наши дни стихи как-то не читают – если это не Вишневский, и если это называть стихами. И, в сущности, вроде бы не пишут – Евтушенко и Вознесенский оставались последними, но мне давненько ничего не попадалось.

Таким образом, критерий оценки оказывается существенно размытым, и было совершенно непонятно, от чего отгалькиваться. Не от Пушкина же? Пушкина следует побережь – это наше всё.

Но в том-то и дело, что наша поэтесса писала четырёх-стопным ямбом.

При этом девица была без очков, без русой косы, с пир-

сингом и мелированием – то есть, вроде бы, совершенно нормальный представитель молодого и малознакомого племени.

Стихи у неё получались довольно благозвучные, с одним и тем же героем – много испытавшим и загадочным, благородно печальным и бла-бла-бла. Лирическая героиня реконструировала разные обстоятельства его жизни – безусловно, полной трагичных и героических событий.

Вирши не были так уж безнадёжно плохи. Просто она с ними опоздала – лет этак на сто.

Я отнёс бы их знакомому редактору в местную газету – но беда в том, что герой уж слишком был внешне похож на меня – от масти и прорастающей местами седины до ямочки на подбородке. Предположим, поэтическую колонку хоть кто-нибудь читает.... Хотя, о чём я: эту прочли бы все – ещё бы: «Наша Вика!...».

Девицу звали Вика, и очередной опус она выдавала каждые две недели. Приносила и молча опускала на стол. На другой день являлась в учительскую и вопросительно смотрела на меня.

На протяжении года я хвалил их, высказывал отдельные косметические замечания и старался вести себя максимально естественно.

Вы спросите – с чего я взял, будто представляю для неё интерес не только как литературный наставник? Не выдумываю ли я? Не пытаюсь ли попросту потрафить своему самолюбию? В конце концов, девушка вела себя прилично и всё

такое...

Я отвечу – вот именно, «всё такое». Её стихи были шифром, и не слишком замысловатым. Будучи единственным читателем, я видел, как нарастает напряжение. Если вы видели хоть одну передачу ВВС о сейсмологах, то поймёте.

Просто удивительно, что вокруг никому ничего не показалось. Как вы понимаете, такого не бывает, особенно в школе. Даже если её назвать лицеем.

Не знаю, в каком направлении устремилась бы ситуация в дальнейшем. Что-то шептало в моё ухо – развязка близится, и последствия мне не понравятся. Слишком уж напряжённой становилась эта тишина.

Всё закончилось совершенно неожиданно и странно.

Где-то за неделю до выпускных экзаменов, Вика вместе с братом и родителями попала в автомобильную аварию. Заурядное боковое столкновение двух легковушек на перекрёстке. Скорости были невысоки, и все отделались ушибами и царапинами. Все, кроме Вики. Удар пришёлся на её сторону, и сломанное ребро практически проткнуло сердце. Смерть наступила мгновенно.

Как шептались потом у нас, эксперты хоть и определили причину, но так и не смогли понять, почему так вышло. Встречный удар был не так уж силён, повреждения автомобилей и травмы пассажиров, соответственно, незначительны. Банальное ДТП, адекватные последствия. Ничто не объясняло, почему именно для Вики оно закончилось так ужас-

но.

Словно она побывала совсем в другой аварии.

Во всяком случае, конец того учебного года окрасился в печаль.

Стихи я припрятал. Возможно, когда-нибудь их всё же следует обнародовать.

Людям всегда кажется, что у них масса желаний. Но на практике – как, например, в случае с золотой рыбкой – они часто испытывают затруднения в выборе.

Мне нужно было совсем малюсенькое желаньице – чтобы не чувствовать себя идиотом при неблагоприятном исходе и, в то же время, обеспечить достаточную убедительность эксперимента.

И оно упорно не приходило в моё воображение. Возможно, из-за недостатка этого самого воображения. Знаю за собой такой момент. Обычно меня это не беспокоит. Но теперь ситуация выглядела комичной.

А может быть, мне просто не хотелось разбивать хрупкие остатки сна о суровую действительность?

Вы будете смеяться, но я пожелал ещё один коньяк. Не из-за того, о чём здесь уже было сказано. Просто потому, что это уже раз проходило, пусть даже и во сне.

Он появился, едва я закончил бормотать Формулу. Похоже, даже чуть раньше. Эти парни успели изучить мои желания.

Ненавидя себя за тупость и мелочность, я пожелал стакан свежесжатого сока. Блок «Мальборо» нероссийского производства. Джинсы «Рэнглер» своего размера – в студенчестве мне так и не попались подходящие.

Постепенно кухонный стол оказался погребён под кучей разнообразных предметов, хорошо пахнущих и приятных на ощупь.

Что он там говорил про миллион долларов? Или лучше это будут евро?

Я осмотрел ровные пачки разноцветных фантиков. Потрогал одну из бумажек, повертел ей против света.

Пожелал, чтобы всё это добро, за исключением коньяка (или коньяку?), сока и сигарет убралось к чёртовой... в смысле отсюда.

Пожалуй, теперь мне стоит быть осторожней в выражениях. Никаких конкретных адресов.

Глотнул, закурил. (Надеюсь, я не слишком утомителен в этих повторах. На самом деле, их можно избежать. Просто имейте в виду, что такие действия производятся мной примерно с двадцатиминутным интервалом – если ситуация не вносит корректив).

– Как вижу, тренировка проходит успешно, – Тамсанарп возник между мной и окном, одобрительно кивая и потирая руки. – Всё просто, логично, убедительно. Может быть, слегка, не побоюсь этого слова, однообразно? Впрочем, это не возбраняется, я так, к слову. И вообще, похоже, работать с

вами будет сплошным удовольствием.

Итак, я не сплю. Может, и в прошлый раз... Впрочем, какое это уже имеет значение?

Парня я сразу узнал – и на этот раз даже обрадовался его появлению.

Что-то я разоткровенничался. В том смысле, что эти воспоминания о службе слишком... как бы сказать? Тенденциозны, что ли? Одним словом, однобоки. Но это легко понять – вспоминаются яркие моменты. То есть – не самые, в сущности, характерные.

У вас может сложиться впечатление, что наш лицей – это просто какой-то вертеп разврата. Ничего подобного. В первую очередь, это учебное заведение – и уровень преподавания у нас совсем неплох. В частности, преподавания гуманитарных наук, где посильный вклад вносит и ваш покорный слуга. Если хотите, я могу привести здесь несколько лучших конспектов...

...Я же сказал – если хотите.

Ежегодно наши выпускники получают медали, поступают в разнообразные ВУЗы и, насколько я знаю, даже их заканчивают. Существует впечатляющая статистика, но опять же – не уверен в том, что здесь для неё подходящее место.

В общем, я остаюсь в русле повествования и поэтому перехожу к медсестре.

Школьные медсёстры моего детства были бесформенны-

ми добрыми тётеньками в белых халатах и с неизменным шприцем наизготовку.

Наша Ленка тоже носит белый халат, но при её 178-сантиметровом росте он не слишком бросается в глаза. В глаза бросается всё остальное – прорывающие униформу сиськи, нахальные зелёные зрачки, курчавые волосы, которые меняют цвет и длину практически ежедневно.

Подозреваю, что со шприцем она не слишком хороша. Возможно, я не прав – наши подростки явно желают большего числа вакцинаций. Некоторые, с риском для здоровья, пытались проходить их повторно.

Ленка безусловно хороша в другом – и об этом мне поведал наш физрук Шурик (в миру Александр Михалыч), – поджарый пятидесяти-с-чем-то летний Бельмондо с неизменным судейским свистком на шее.

Михалыч – неоднозначная личность и мой хороший приятель. К нему мы, возможно, ещё вернёмся. Или нет? Во всяком случае, пока скажу, что он не типичный для кинематографа и литературы физрук. Он знает два иностранных языка и читает Шевченко в подлиннике.

В тот вечер, по окончании всех смен, мы играли в баскетбол. То есть, по очереди метали мячи в кольцо на пиво. Пиво было заготовлено заранее. Победитель получал право выпить первым.

Появление Ленки мы, естественно, не пропустили. Но, для приличия, сделали ещё по паре бросков – такие мачо.

Я практически успел предложить девушке пива, когда Михалыч издал судейскую трель и гаркнул: «Перерыв!». После чего подтолкнул меня к раздевалке.

Физрук есть физрук – я проделал пять метров ускоренным шагом и воткнулся в нашу замечательную медсестру. Пятясь, мы оказались в пахнущей юношеским потом полутьме.

– Надеюсь, главную проблему нам удалось снять. Точнее – вам удалось, и это не может не радовать, – гость опять оказался в кресле. Удобно расположился с чрезвычайно довольным видом. Я готов был просиять ответной улыбкой. Но сдержался.

– Вы всегда находитесь где-то здесь, Александр Петрович?

Если он когда-то и слышал о такой стилистической фигуре, как ирония, то, несомненно, забыл.

– В сущности, да. Да, уважаемый Эдуард Сергеевич.

Нет, похоже, забыл не совсем.

– Понимаете ли, я просто обязан быть рядом с вами. Это моя работа – или призвание, если угодно. Вам, вероятно, приходилось слышать о джиннах?

– Я видел «Аладдина». Они действительно такого странного цвета?

Мне не нравятся камеры наблюдения. И, уж тем более, незнакомцы за спиной в роли этих камер.

Тамсанарп развёл руки в стороны и устремил взгляд в потолок. Глубоко вздохнул. Скрестил руки перед собой и устался на меня, посадив голову почти на уровень груди.

– К сожалению, вам придётся с этим жить. Некоторое время я именно что буду у вас за спиной – и, поверьте, не из праздного, не побоюсь этого слова, любопытства. В конце концов, что это меняет? Я наблюдаю, поскольку это необходимо. Но я не оцениваю – точнее, оцениваю совсем не в том смысле, как это принято у вас. В сущности, можете считать, что меня нет. Уже нет. Возникнет надобность – зовите...

– Тамсанарп!

...Он неторопливо материализовался – кажется, даже в прежней позе.

– Кто вы?

Не должен ли я обращаться к нему как-то иначе? В смысле, добавлять «сэр», или «товарищ»?

– Я – гномон девятого разряда. С точки зрения распространённых у вас воззрений – сгусток энергии. Могу принимать практически любую форму – я говорю «практически», поскольку в экспериментах пока не было необходимости. Кажется, мой нынешний образ вполне адекватен?

Он подмигнул, или мне показалось?

– На время действия Формулы я буду сопровождать вас. Ненавязчиво, естественно. Но неотступно и постоянно.

– Что такое девятый разряд?

Когда-то я слышал о слесарях седьмого разряда. Дурац-

кий вопрос, заданный из праздного любопытства.

Тамсанарп, похоже, уловил суть и счёл целесообразным нахмуриться.

– Это не степень посвящения, как вы думаете. Простой порядковый номер. В смысле, девятая планета от окраины вашей системы. Вы привыкли называть её, не побоюсь этого слова, «Земля».

Насколько я помню, в нашей системе всего девять планет. И так называемая «Земля» из них седьмая. Или шестая? И от какого, собственно, края?

Тамсанарп сложил руки на груди и благожелательно ухмыльнулся.

– Вам предстоит существенно расширить свои познания, Эдуард Сергеевич. Перейти, так сказать, на совершенно новый уровень информированности, – будь на то ваша воля, естественно.

– Вы сказали – сгусток энергии. Следовательно, ваш возраст...

Тамсанарп остановил меня, развернув веред ладони.

–... У гномонов не бывает возраста. Мы просто существуем – можно сказать, вне времени. Я имею в виду – времени, как вы его здесь понимаете.

Сказать, что я взволновался не на шутку – значит не сказать ничего. Передо мной сидела живая отмычка к чёрт знает, каким тайнам. В сущности, как бы не совсем живая. Но доступная зрению и говорящая.

Тамсанарп энергично помотал головой.

– ...Я действительно присутствовал в жизни многих людей – большинство из них вам известны, вы человек эрудированный. Но... я не могу говорить о их – это противоречит правилам.

– Правилам? Каким таким правилам?

Гномон пожал плечами. В сущности, можно понять. Особенно мне. Каким-то там правилам. У меня в жизни тоже не более двух правил.

Или лучше сказать – принципов?

Возможно, даже всего один. Никогда не смог бы его сформулировать. Но всегда чувствую, когда ситуация под него подпадает.

Во всяком случае, интервью с тысячелетним свидетелем не состоится.

Очень жаль.

В раздевалке было темновато – но не настолько, чтобы я не увидел, как Ленка становится на колени, одновременно стаскивая с меня спортивные штаны. Остальное я не столько наблюдал, сколько чувствовал. Или, точнее сказать, ощущал?

Никаких предварительных ласк.

Никаких слов о чём бы то ни было.

В общем, то, что нужно.

Сияющий неземной красотой хвост нужен павлину ис-

ключительно для брачного периода. Возможно, с годами мой собственный поизносился и наиболее нарядные перья выпали. Или я просто понял, что их стоит приберечь для особого случая? Того самого, который может и не наступить?

Так или иначе, предварительный ритуал в какой-то момент начал казаться мне слишком уж утомительным. Дело тут, конечно, не в возрасте. Дело, видимо, в глубинной природной лени, проросшей сквозь асфальт традиций. Или в чём-нибудь ещё. Объяснений можно придумать массу, но факт остаётся фактом – в какой-то момент я осознал, что токовать мне по-прежнему интересно, но к делу это уже не имеет никакого отношения. И наоборот.

Альтернативы?

Я нашёл целых две. Собственно говоря, не думаю, что вам удастся найти больше, если не вторгаться на территорию Уголовного Кодекса. Вы можете это покупать – или обходиться своими силами. Разница не слишком велика, но экономия во втором случае очевидна. Что самое странное, в отрочестве я и понятия не имел о таком доступном способе самореализации. В моём воспитании что-то было безнадёжно упущено.

За последние десятилетия онанизм (скажем, наконец, это слово) подвергся пересмотру и полной научной реабилитации. Оказывается, от этого не сохнут ни мозги, ни руки. И, вообще, ЭТО, в сущности, полезно.

Желающие могут вырезать соответствующие статьи и

прикрепить у себя в сортире – или где ещё там? Перечень источников приводится в приложении (см. стр. 258-314).

Полезно-то полезно, но уж больно скучно...

Оральный секс является несомненной разновидностью рукоблудия, но доставляет гораздо больше удовлетворения. При этом не только физического, но, главным образом интеллектуального, морального и визуального.

Вспомните: женщина стоит на коленях. Желательно одетая, но как бы несколько растрёпанная. Юбка полуздрана, блузка полурасстёгнута, потерянная туфля валяется в стороне, рука елозит по вашему лобку. И эти округлённые губы, эти втянутые щёки, этот подвижный, обволакивающий язык...

Настоящие мастера, правда, встречаются редко – ну, да и пусть себе. Успех и без того почти гарантирован – и, поверьте, секрет не столько в активной стимуляции, сколько в зрительном впечатлении. Мне, правда, приходилось слышать об извращенцах, которые при этом зажимаются. (И даже, возможно, по привычке, пытаются представить себе другую женщину?)

...Минут через десять, наша медсестра зачехлила шкурку, облизала губы, поднялась с коленок и удалилась.

По объяснению Михалыча, это тоже было что-то вроде профилактики.

Естественно, я поспешил забить место в графике.

– Что ж, значит, откровенных бесед на исторические темы не будет...

Гномон согласно покивал.

– Но ведь я и сам могу теперь перенестись в прошлое – разве не так? Или это тоже противоречит каким-нибудь правилам?

Тамсанарп сделал уклончивый жест.

– В сущности, нет.... То есть, можете, но не по-настоящему. Вопреки мнению многих ваших учёных, время всё-таки линейно. У вас не получится на самом деле оказаться среди динозавров, поскольку их кости покоятся на десятиметровой глубине. Вы окажетесь в том прошлом, которое себе представляете – не более того. По сути, станете действующим лицом, не побоюсь этого слова, инсценировки. Активно действующим лицом, если пожелаете. Но доступ к истинным событиям прошлого невозможен – главным образом, потому, что они уже произошли. Невозможен не только для вас, а в принципе.

Не скажу, что я был так уж разочарован. Путешествия во времени, на мой вкус, всё же выглядят чем-то надуманным. И этот эффект бабочки... Нарядная инсценировка – вот это по мне. Масса веселья и никакой ответственности.

– А если мне вздумается прожить в этом вашем театре год-другой? Или, скажем, десять?

– Вы имеете в виду, что вас хватятся? Конечно же, это предусмотрено. Вы не исчезнете от бдительного ока соседей

и сослуживцев. Ваше место займёт двойник – и будет жить вашей жизнью. Если понадобится, до самой смерти.

– Таким образом, я всё-таки смертен?

– В своём теперешнем воплощении – безусловно. Это определено Принципом. Но ничто не мешает вам воплотиться в другой сущности. Или вечно странствовать в мирах своей фантазии.

Чем дальше, тем интересней. И всё больше мне нравится. Но слово «вечность» звучит как-то уж очень нешуточно.

– Существует ли какой-нибудь регламент? Скажем, не больше десяти использований Формулы в сутки – или что-нибудь в этом роде? Я имею в виду, ограничен ли я в своих действиях?

Тамсанарп пожал плечами с несколько снисходительным видом.

– Я понимаю – все эти истории о волшебниках, потерявших свою силу по причине крайнего перенапряжения... Однако, это не более чем, не побоюсь этого слова, литература. На самом деле, задействуя Формулу, вы приобщаетесь к совершенно неиссякаемому источнику энергии. При соблюдении Принципа, ваша сила будет только расти. Естественно, при нарушениях она слабеет и может иссякнуть совсем. Примеры общеизвестны – я не могу называть имён, но разве мало в вашей истории случаев таинственного краха весьма заметных людей?

Случаев сколько угодно – что есть, то есть.

Получается, что основной двигатель человечества – Формула. И случайные люди, случайно набредшие на случайное сочетание звуков. При этом узнать что-либо доподлинно невозможно – прошлое закрыто от вторжений.

Офигительно умно придумано.

Кто же тогда этот, так называемый, гномон? Контролёр?

Тамсанарп сделал отрицательный жест. Я совершенно забыл про его телепатические способности. В сущности, это даже удобно – до тех пор, пока мне в голову не лезет ничего дурного.

– Скорее, я советчик, – гномон поднялся с кресла. Сделал шаг в сторону двери. – Моя задача – помогать вам пользоваться Формулой правильно. Нарушения фиксируют другие – и у вас вряд ли будет шанс свести с ними знакомство. В сущности, такие случаи пока не зафиксированы вовсе – но всё когда-нибудь случается в первый раз.

Всё-таки, загадочный тип этот Александр Петрович.

Я остановил его практически возле выхода.

– Не могу понять, почему вы звонили? И почему выходите в дверь, если можете просто... переместиться, или как там?..

Выцветшие голубые глаза сощурились в улыбке.

– А почему бы и нет?

Он помахал рукой.

Дверь закрылась, и я остался наедине со своим свежеприобретённым даром.

...И что вы с ним прикажете делать, собственно говоря?

Неожиданно, я осознал, что желаний у меня всё-таки до обидного мало. Более того – они претворимы в жизнь без применения таинственных способностей. Я привык существовать так, как существую. Или это просто недостаток фантазии?

В любом случае, с чего-то нужно было начинать.

Например, с тотального отрезвления.

Не слишком приятное состояние. И крайне непривычное. Но бегство от реальности завершилось – куда ещё дальше?

Осмотрел себя в зеркале, слегка добавил атлетической фактурности. Не настолько, чтобы менять гардероб, но приятно для глаза. Внутренние органы, на удивление, оказались близки к норме. Хотел облагородить физиономию, но ограничился устранением мешков под глазами.

Не то, чтобы я в восторге от своей внешности. Но какое это теперь имеет значение? Собственно, не имело и раньше. Или, по крайней мере, не мешало.

Подошёл к окну и обнаружил дождь. Прекратил его, сдув облака на положенное расстояние. Пожалуй, мне предстоит пройтись. Вся эта влага абсолютно ни к чему.

Прежний номер телефона – нынешний телефон моей жены – вспомнился так, словно невидимая рука нарисовала его перед глазами. Дело осталось за малым – найти трубку.

Не найдётся ли в доме лишней тарелки супа? Разумеется. Другого ответа я не ожидал. Волшебное слово здесь ни при

чём.

Неторопливо оделся – может, пожелать новую рубашку? Нет, скорее подгладить ту, что есть. Вызвал такси. По пути остановился возле киоска и купил карточку какого-то «Русского лото». Недрогнувшей рукой заполнил выигрышную комбинацию. Тираж, вроде бы, завтра?

Как-то неудобно идти в гости с пустыми руками.

Вода в реке была черная и густая, как кисель.

Вода ли? И была ли это река? Насколько я знаю, рекам свойственно куда-нибудь течь. Возможно, просто такое узкое озеро?

Понятия не имею, что заставило меня сунуться в эту гадость. Я не умею плавать – хотя дело не в глубине, так называемая вода едва доходила мне до пояса.

Дело в собаках – вся поверхность была покрыта ими. Мёртвыми собаками со вспоротыми животами и стеклянными глазами. Самых различных пород, мастей и размеров.

Другой берег был совсем недалеко – но пробираться к нему становилось всё труднее. Мешала густая вязкая жидкость. Мешали собаки, которых приходилось расталкивать. К тому же, уровень воды повысился, и они теперь плавали вокруг моего лица. Заглядывали в глаза своими потухшими стекляшками. Касались меня кишками, торчащими из вскрытых желудков.

Мало того – несмотря на мои активные телодвижения, бе-

рег практически не приближался.

Остаток жизни я проведу, барахтаясь в собачьем бульоне.

Надеюсь, этот остаток не будет слишком продолжительным.

Часа-другого для меня вполне хватит. Хватило бы и нескольких минут – но подсознательно всегда надеешься на прибытие кавалерии.

Звук трубы действительно раздался.

Труба была телефонной.

Ночные (а также утренние) кошмары легко списать на неправильный образ жизни. В частности, на злоупотребление алкоголем. Оказывается, это очередное лукавство.

Я проснулся в абсолютно трезвом состоянии и долго выслушивал попеременные восторги жены и дочери. У меня хватило здравого смысла согласиться на часть выигрыша. Кто я такой, чтобы отказываться, в конце концов?

Не помню, упоминалось ли здесь, что время года у нас лето, а лето, как известно – пора школьных каникул и учительских отпусков. Это избавляет меня от необходимости описывать свои трудовые будни – за исключением по-настоящему стоящих моментов. И даёт возможность поупражняться в обращении со своим новообретённым даром.

Итак...

Собственно говоря, даже не знаю, что выбрать..

Продолжать играть в азартные игры и потихоньку выстро-

ить домик в четыре этажа с подземным гаражом?

Останавливать цунами и международные конфликты?

Вылетать по ночам на «Бэтмобиле» и патрулировать улицы любимого города?

Выясняется, что жизнь совсем не готовит нас к решению таких сложных задач.

Я решил начать с чего-нибудь простого. И вспомнил соседку с одного из верхних этажей. Всего их четырнадцать – в смысле, этажей, таким образом, я нахожусь примерно посередине. Дислокация тех, кто едет в лифте выше, (как, в сущности, и ниже), для меня полная загадка. Мой этаж, почему-то, все запомнили через пару месяцев. Вероятно, я просто недостаточно внимателен.

Итак, соседка – строго одетая дамочка лет тридцати, рыжая, зовут, вроде бы, Дина (я подслушал в лифте). Здравуемся мы регулярно так почему бы ей не зайти – нет, пожалуй, не за солью – например, не ошибиться этажом? Преднамеренно, разумеется – как ещё это можно сделать? Повод вполне безобидный, время подходящее – утро, но бежать на работу ещё рано, поэтому шансы привлечь доброжелательное внимание соседской общественности минимальны.

Как будто, всё продумано? Могущественный и великий гном нагнал-таки на меня страха своим Принципом Невмешательства...

Минут через десять упомянутая соседка (ни черта не Дина – Зина. В лифте просто ужасная слышимость), – так вот,

эта самая Нина уже всю исполняла соло на моей дудке. Ещё через четверть часа она удалилась, слегка покрасневшись от усилий и черкнув на прощание свой телефон.

Интересно, волшебное слово для всего этого было в действительности необходимо?

Несколько последующих дней я изложу пунктирно.

Собственно говоря, даже так излагать, в сущности, нечего.

Представьте себе продолжительный разгул со всеми необходимыми атрибутами – и попытайтесь представить себе, что ваши ресурсы в любой области ничем не ограничены. В дополнение, попытайтесь вообразить, что всё это можно моментально прекратить без малейших отягчающих последствий в виде жестокой абстиненции или необходимости оттирать подозрительного цвета пятна в сортире.

Пару раз ко мне забегал Михалыч, проникся ещё большим уважением к моему *modus vidae* и, вроде бы, ничего не заподозрил.

Необходимость выходить из дому отпала совершенно – я совершил этот подвиг лишь единожды с целью проведать семью, и едва не стал жертвой каких-то малотрезвых отморожков. Магическое заклинание позволило мне раскидать этих пятерых в течение минуты, но впечатление от прогулки было безнадежно испорчено.

И вообще, день этак на пятый стало скучно.

Вы не поверите, но, когда ты можешь поиметь любую, слу-

чайно встреченную, женщину...

...и любим, случайно пришедшим в голову, способом...

...не думая при этом об ограничениях, накладываемых собственной физиологией...

...в сущности, не только встреченную, но попросту возникшую в воображении...

...если это самое воображение у тебя ещё есть...

...во всяком случае, возможностям нет предела...

...так же, как и желаниям. Или желаниям есть?

В общем, это не то чтобы скучно, но приедается. И ты начинаешь думать об оборотной стороне и бла-бла-бла.

Тамсанарп деликатно позвонил в дверь, но открылась она, тем не менее, самостоятельно, избавив меня от необходимости вставать с дивана.

– Райские гурии, волшебные сады, – пробормотал гость, озирая комнату, совершенно, впрочем, в данный момент, пустую.

Сказано, вроде бы, без иронии, но я счёл нужным переспросить.

– Не одобряете мой способ расходования таинственной энергии великой Формулы?

Гномон девятого разряда энергично затряс головой.

– Отчего же.... В сущности, как правило, сталкиваешься именно с чем-то подобным. По крайней мере, поначалу. К тому же, видите ли, – Принцип совершенно лишён вашей человеческой этической составляющей. Правдоподобие – и

ещё раз правдоподобие. Но как раз с этим у вас полный порядок.

Интересно. Возможно, человеку просто не понять нечеловеческую логику, и наоборот. Хотя мне всегда казалось, что логика для всего сущего примерно одинакова.

– Вы хотите сказать, что я могу вызвать тайфун в какой-нибудь тихой прибрежной стране, угробить десяток мирных рыбацких корабликов – и мне за это ничего не будет?

Тамсанарп кивнул.

– Абсолютно ничего – ваша наука толком не умеет предсказывать погодные явления. Принцип будет соблюден. Гораздо хуже материализация накрытого стола в присутствии десятка изумлённых гостей. Но вы пользуетесь службой доставки и довольно скромны в заказах – очень разумно.

Что я могу ответить? В сущности, я просто равнодушен к еде. Однако, приятно, когда тебя хвалят. В голову приходит другое – с такой жизнью я постепенно становлюсь равнодушным и к женщинам. А интерес к своему полу как-то пока не пробуждается. Всё это не может не беспокоить.

– Беспокоиться решительно не о чем, – Тамсанарп устроился в кресле и развернулся в мою сторону. Конечно, я уже давно сменил лежачее положение на сидячее. Из всех гостей в доме этот был, без преувеличения, самым значительным.

– ...Обладание Формулой – это не миссия. Не каждый в состоянии понять суть вопроса до конца, но, в сущности –

это просто, не побоюсь этого слова, дар. Подразумевающий возможность потакать своим прихотям – в тех пределах, которые мы с вами уже обозначили, разумеется.

– Получается, я могу стать Джеком-Потрошителем или, путём последовательных козней, начать третью мировую войну?

– Вполне. Но не думаю, что это произойдёт. В сущности, вы довольно сильно привержены человеческой морали – по крайней мере, были до сих пор.

Пожалуй, он прав. Всю предыдущую жизнь что-то мешало мне совершать слишком уж явные гадости. Возможно, теперь, в условиях полной безнаказанности... Нет, тема явно начинает перегреваться.

– Послушайте, мне нужен ваш совет. Предположим, я захочу трахнуть Анжелину Джоли. Или, скажем, Дану Борисову? Как это сделать, не прогневав ниспосланный свыше Принцип?

Тамсанарп посмотрел на меня очень внимательно. Сделал паузу. Похоже, я несколько сбил его с мысли.

– Вы можете задействовать Формулу, находясь в гарантированной изоляции – и получите качественный дубликат, который дематериализуется по выполнении своей задачи. Я хочу сказать – действительно качественный, со всеми свойствами подлинного объекта. Если же у вас есть желание засветиться в бульварных листках...

–...то мне следует претворить в жизнь цепь событий, ве-

дущих к пересечению с реальным объектом в пространстве и времени?

Гномон одобритительно кивнул.

– Именно, не побоюсь этого слова. Но почему вы об этом спросили?

Бесполезно тягаться с чтецом мыслей. В конце концов, он мне не враг.

– Просто так – к тому же, вопрос этот не основной. Мой образ жизни становится несколько однообразным – вам так не кажется?

...Конские копыта с мерным грохотом утаптывали степь. Запах звериного и людского пота забивал и без того полный пыли нос. Железо поблёскивало в тусклом свете солнца, которое ещё не взошло, но уже высветлило дальнюю часть пологого холма с разбросанными по нему соломенными хижинами.

Седло натирало промежность, меч – спину, притороченное справа копьё – голень, болтающиеся слева щит и шлем – бедро.

Я огляделся по сторонам – впереди, сзади и по обе стороны двигались такие же запылённые страдалцы с мрачными и сонными лицами. Всадники сбивались в довольно большие кучи, впереди которых ехали флагоносцы и, судя по цветным попонам и накидкам, командиры. Сзади и справа из пыльного месива торчали копыта пехоты, слева угадывались мно-

гочисленные повозки с наваленными на них здоровенными деревянными брусьями разных размеров.

Всё это издавало глухой низкий шум, который оттенялся позвякиванием железа о железо и редким конским ржанием.

На значительном отдалении за своей спиной я разглядел с дюжину крытых повозок, над которыми торчали многочисленные штандарты и вымпелы. Вокруг смыкалась плотная масса облачённых в доспехи всадников.

Очевидно, наше начальство.

Я ехал в одной из общих куч.

Света становилось всё больше, и я смог разглядеть на себе тусклую кольчугу и грубые (что чувствовалось и в полумраке) заношенные кожаные штаны.

Я – простой солдат?

Что там говорил по этому поводу наш наставник и покровитель?

«Вы можете управлять инсценировкой – но, на мой вкус, это довольно утомительное занятие. Если вы не любитель игр типа «Total War», советую предоставить событиям развиваться по собственным логическим законам. Конечно, время от времени вы можете вмешиваться – это не запрещено».

...И это время, похоже, наступило с первых же минут.

Когда я догнал передовые отряды, солдаты уже вошли в деревню и рассыпались среди обезлюдевших хижин. (Я бы

назвал эти жилища сараями, но не совсем уверен, что правильно представляю, что это такое).

На этот раз на мне был сияющий панцирь, на поверхности которого скалились львы, барсы и ещё какие-то твари, позолоченный шлем с перьями и тяжёлый синий плащ. Меч обзавёлся затейливой резьбой на рукояти. Щит, копьё и прочие причиндалы везли следом – около дюжины менее разукрашенных всадников находились от меня на расстоянии десятка метров. Конь, насколько я могу судить, также претерпел значительные улучшения. Во всяком случае, в смысле нарядности.

Седло, впрочем, натирало по-прежнему.

Я спешился, пренебрегая подставленными руками. Довольно бойко это у меня вышло – никак не могу до конца привыкнуть к внезапному проявлению новых способностей. Надо бы не забыть о том, что я лихой рубака. Возможно, самый лихой во всей этой компании.

Полог хижины был откинут. Сквозь вонючий полумрак я разглядел спину кого-то из наших солдат, который возился на полу, стоя на коленях и приспустив штаны. По обе стороны его задницы торчали широко раскинутые грязные голые ноги. К моему удивлению, поселянка не издавала ни звука и даже заметно не шевелилась. Я полагал, что в таких случаях принято орать и отбиваться.

Присмотревшись, я различил вокруг ещё с полдюжины солдат – в штанах и без; выражения лиц соответствующ-

щие. При виде меня они почтительно зашумели, их товарищ вздрогнул, приподнялся и развернулся в мою сторону.

Как вы понимаете, смотрел я вовсе не на него.

Смотрел я на то, что осталось у него за спиной – задранная грязная ночная рубаша с огромным красным пятном на месте головы. Тощие волосатые ноги, поросшие седыми волосами. Сморщенная мошонка между ними.

Солдат неловко поклонился. Вид у него был слегка смущённый.

– Что поделаешь, генерал. Отступая, они перебили всех, кто не мог идти быстро.

«Надеюсь, они их, хотя бы не жрут?»

Кажется, я сказал это вслух. Напряжение рассеялось.

Похоже, всё-таки жрут. Но только потом.

Провожаемый одобрителем хохотом, я вышел наружу.

Ханский шатёр был окружён охраной, которая расступалась по обе стороны моего превосходительства, слегка кланяясь и позвякивая доспехами.

Внутри уже теснились десятка два командиров. Аромат благовоний плавал в пространстве, существуя, впрочем, отдельно от неизбежной в этом мире вони лошадей и человеческого пота.

Мы расселись в круг на ворсистом ковре, лицом к хану. Мамай тяжело опустился на подушки. Выглядел он неважно – голубые глаза практически утонули в опухших щеках,

рот кривился гримасой. Впрочем, голос зазвучал достаточно твёрдо:

– Мы находимся в пяти переходах от города. Московский князь движется нам навстречу со всеми силами, которые ему удалось собрать. Завтра наши пути пересекутся.

– Говорят, его армия просто огромна, – в разговор вступил сухой старикашка, по правую руку от хана, потёртая кольчуга была ему явно великовата. – Пятьдесят тысяч человек; может быть больше. Войска прислали все князья; на его стороне даже литовцы, сыновья Ольгерда.

– Уважаемый Менге, вы предлагаете нам вернуться? – голос рядом со мной подал здоровенный детина с наполовину отрубленным ухом. Доспехов на нём не было, за исключением грубой кожаной кирасы. – Их ненамного больше, чем нас. Они вышли нам навстречу – это хороший знак. Штурмовать каменные стены было бы намного сложнее.

Военачальники загудели вразнобой. Мамай поёрзал на своей подушке и поднял руку.

– Что скажете вы, генерал Чжу? – он смотрел на меня; по крайней мере, теперь я знаю своё имя. Вообще говоря, короткая автобиография была бы в самый раз. Так же, как и небольшая справка о международном положении. В сущности, расклад мне известен – но кто знает, каков он в этой реальности? Исподтишка изучая собратьев по оружию, я обнаружил, что узкоглазые и желтолицые здесь в явном меньшинстве – вот и первый сюрприз. Преобладали явные и не

совсем явные европейцы, а также те, кто могли быть арабами, семитами или ещё кем-нибудь в этом роде. Два славянина с русыми бородами. Один француз или итальянец. Доспехи у всех разные, но никаких тюрбанов и войлочных халатов. Да и сам великий хан не выглядит типичным монголом.

– Войска московского князя разрозненны, – начал я, подбирая выражения. – У них мало опыта. Это нам на руку.

Вот сказал – как отрезал!

– Вообще говоря, всякого отребья хватает и у нас, – генерал с тугой косичкой и жутковатым шрамом на пол-лица сделал паузу и осмотрелся, явно ожидая возражений. Их не последовало. – Я не поручусь за весь этот нанятый сброд – а завтра нам вести его в бой.

– Только не тебе, Бегич – и не генералу Чжу, разумеется, – это опять старец Менге. – Вы-то поведёте свои полки – лучшие в Орде.... И, наверно, единственные? Немудрено, что нам пришлось нанять столько тех, кого ты называешь сбродом – ордынцы прокисли, как перестоявшее кобылье молоко. Мы разучились воевать – молодёжь ныне перенимает порядки покорённых. Тех, кого наши великие деды и прадеды втоптали в пыль и сделали своими подданными!

Мамай поднял руку.

– Уважаемый Менге, не будем сейчас об этом. Все мы знаем, что вы хотите вернуть нас обратно в степи. Но времена изменились. Как оказалось, мир не бесконечен, – мы не можем брести по нему, поколение за поколением. Что касает-

ся этой войны, то я не начал её по своей прихоти. Я предлагал князю Дмитрию союз – но он предпочёл подчиниться ничтожному Тимурову выкормышу. Разве нам следовало дожидаться, пока они придут за нами?

– Русские князья слишком привыкли получать свою власть от Орды, – вступил один из славян. – Так поступал его отец и отец его отца. Даже желай Дмитрий этого союза, его придворные были бы против – а он слишком слаб и зависим, чтобы спорить. Да и вообще, кому известно его собственное мнение, есть ли оно?.. Предвидение святого старца, нащёптывание знати, – и Дмитрий собрался на войну. Трясаясь от ужаса, я полагаю.

Улыбка искривила рот хана в другую сторону, отчего он практически выровнялся.

– Я знаю. Дмитрий – больше ордынский князь, чем я.

По палатке пронёсся гул оживления.

– Они называют меня узурпатором – но боги видят – я больше не могу таскать в своём обозе очередного тупого ублюдка с каплей Чингизовой крови в жилах. Или мне следовать примеру Хромого?

Кто-то согласно кивал, кто-то уставился на ковёр. В любом случае, беседа вышла познавательная. Во всяком случае, для меня ситуация значительно прояснилась.

– Возможно, нам не следует вступать в бой до подхода литовского князя.

Это сказал бородатый тип в выпуклом панцире, похожий

на итальянца... Кстати, что это за язык, на котором мы все так чудесно беседуем? Не забыть спросить моего благодетеля. Впрочем, догадываюсь – специальный язык данной конкретной инсценировки. Небольшое допущение для устранения излишних барьеров, так сказать. В реальной жизни тут бы сидела дюжина переводчиков.

– Не думаю, что Ягайло действительно поможет, – услышал я свой голос. – Всё чего он хочет, это оттяпать кусок послаще – от Москвы, от нас, ещё от кого-нибудь. Он будет выжидать. Вдруг мы изрубим друг друга до последнего человека.

Глаза Мамаю сузились – насколько это ещё было возможно. Он медленно развернулся ко мне всем телом.

Неужели я спорю какую-нибудь глупость? Надеюсь, меня не разорвут лошадьми – или что они там делали в таких случаях?

Хан хмыкнул.

– Генерал Чжу проницателен, как волхв. Возможно, больше. Я очень надеюсь, что вы ошибаетесь, генерал. Но что-то во мне говорит: он прав.

Пронесло... Пожалуй, я даже нагрёб очков.

Мамай медленно поднялся на ноги, дав стоявшим по бокам шестёркам подхватить его величество под руки. Практической необходимости в этом я не увидел. Командиры последовали его примеру, обойдясь своими силами. Забряцал металл – наших доспехов и в ханском голосе.

– Мы не будем ждать литовца. Атакуем утром, как только подсохнет почва. Уважаемый генерал Менге, вы примете команду над всей пехотой и займёте центр. Прямо за вами – мужественный капитан Ломпарди. Чжу и Бегич займут фланги и оттянутся назад. . . . Остальное – когда увидим, как построит свои полки Москва. Призываю на всех вас благословение Тенгри.

Генералы начали расходиться.

– Оставайтесь, Чжу. Нам нужно поговорить.

Вот это номер. « А вас, Штирлиц. . . » – кажется так? И чем там у них закончилось дело?

. . . Я оказался в офисе своего начальства, с Вероничкой на диване. Не в том смысле – на диване. Мы там сидели. Правда, до или после – сказать затрудняюсь.

– Вы, похоже, и впрямь чувствуете себя в отпуске, Эдуард Сергеевич, – голос у моей директрисы довольно низкий и хрипловатый, но вполне приятный. – Я имею в виду – без звонка ты бы не зашёл?

– Но с чего бы я взял, что ты торчишь в пустой школе?

– Видите ли, Эдуард Сергеевич, летом школы обычно ремонтируют, – а мне совсем не всё равно, как будет выглядеть это заведение в сентябре. Что касается звонка, то. . . у меня есть новости.

Какого хрена – у меня тоже есть новости! Меня прямо-таки распирает от новостей, но окружающим от этого никако-

го толку.

Собственно говоря, почему я здесь оказался? Включился какой-нибудь таймер? Или моё желание отсрочить собеседование с ханом оказалось слишком сильным?

Или я бормочу Формулу, сам того не замечая?

– Новости? – я сделал заинтересованный вид. Чего там, я и в самом деле был заинтересован.

– Возможно, ты слышал, что я замужем, – Вероничка закурила одну из своих длинных тонких сигарет. Никогда толком не мог раскурить такую – видимо, лёгкие слабоваты. – В смысле – была замужем. Так вот – я надумала разводиться.

Я, конечно, не поперхнулся дымом. Но, видимо, какой-то избыточный интерес обозначил.

– Разумеется, в наших отношениях это ничего не меняет – если ты не против, – Вероничка внимательно посмотрела на меня сквозь дым. Разумеется, я и не думал, что от меня потребуют предложения руки и сердца. Моя директриса – умная женщина, хотя, если поразмыслить, это делает её слегка чересчур мужественной. – Но есть и другая новость – меня назначают завгороно. Ты пойдёшь со мной или останешься тут директором?

Кажется, моя карьера начинает стремительно идти в гору. Сама собой, без всяких заклинаний.

– Какой вариант больше устроит вас, Вероника Леонидовна? И, собственно, поздравляю!

– Спасибо. Разумеется, первый. Я даже готова прихватить

с собой некоторых... особо ценных для вас сотрудников. Так сказать, для пушшего комфорта.

Разумеется, она имеет в виду медсестру. И, возможно, ещё... Вероничка, конечно, стерва. Но в моей ситуации это, скорее, приятная деталь.

Несколько дней назад я согласился бы с ходом. Но в последнее время меня что-то опять начали разбирать сомнения насчёт своего педагогического призвания.

И, потом, чем ещё закончится вся эта история с монгольскими оккупантами?

– У меня есть время на размышление?

– Неделя. От силы, две.

Вероника затушила сигарету, подошла к двери, проверила замок. Для вашего сведения, у нас этот ритуал служит эквивалентом предварительных ласк.

Одну новость моя начальница, впрочем, утаила.

На днях она стала весьма обеспеченной женщиной – в результате наследства, оставленного почившей бабушкой.

Нет-нет, старушке я ничего не делал. Просто организовал несколько вкладов, которых не делала она. Нежданные родственники за границей, то, сё...

Работа, что и говорить, топорная. И, пожалуй, не совсем безукоризненная с точки зрения вездесущего Принципа. С другой стороны, всё, вроде бы, довольно убедительно – да и вообще, кто разберёт, что у этих старушек на уме – в смысле, за душой?..

Мамай тяжело опустился на подушку, сразу став обмякшим и усталым. Мы остались вдвоём, если не считать челяди, суетившейся с напитками и фруктами. Вялым движением руки хан отправил слуг за пределы шатра.

Мы помолчали; затем Мамай заговорил – блеклым, тихим голосом без всяких признаков только что гремевшего в нём металла.

– Конечно, вы понимаете, что происходит, генерал, – он посмотрел на меня исподлобья. – Перед нашими доблестными военачальниками я вынужден делать вид, что мы отправились в поход на Москву, – на самом деле, всё совсем наоборот. Это поход Москвы против нас, а мы просто вышли навстречу врагу. Тохтамыш послал своего вассала и союзника Дмитрия покарать самозванца. И послал не только его. Часть монгольских войск, я полагаю, уже прибыла. Часть находится в пути – но наши разведчики не могут их обнаружить. Собственно говоря, они просто не возвращаются.

Я кивнул.

– Сначала мне было непонятно, почему вы опустошаете казну, собирая столько наёмников, но при этом оставляете на месте такие значительные силы собственной орды. Но теперь... Мы должны быть готовы ко второй попытке в случае неудачи?

Глаза хана на мгновение показались внутри узких щелей.

– Именно так. Не могу позволить себе ставить всё на одну

битву. Мы можем победить, и даже, скорее всего, победим. Но тогда Верховный Хан придёт сам – и у нас должно найтись, чем его встретить.

Я пожал плечами.

– Нахлебнику Хромого далеко до вас в смысле мудрости. Не говоря уже о военных талантах.

Хан привстал, опираясь на руку. Его голос заметно окреп.

– В области войны мне тоже не равняться, например, с тобой – будем откровенны. Тохтамыш – ничтожество, но он настоящий чингизид, и в этом его важное преимущество. Традиции нелегко покидают людские головы. Возможно, только вместе с головами. Многие из наших были смущены, когда я объявил себя ханом.... Сейчас они делают вид, что всё в порядке, но известно ли мне, о чём они думают втайне и говорят один на один?

Я сделал успокаивающий жест.

– Если мы победим Дмитрия и возьмём Москву, всё эти сомнения не будут иметь никакого значения...

– ...По крайней мере, на время, – Мамай придвинулся ко мне и понизил голос. – Говорят, в твоих жилах есть капля Чингизовой крови, генерал?

Хорошенькая новость! Я ещё раз пожалел, что полез в эту историю, не изучив, как следует, автобиографию. Собственно говоря, мне преимущественно хотелось вволю помахать мечом.... Но, как оказалось, здесь тоже много разговаривают – и темы при этом попадают все больше какие-то скольз-

кие.

Я пожал плечами с беззаботным видом.

– Капля или полторы, какая от них польза? К тому же, дело тёмное и недоказанное.

Хан придвинулся ещё ближе, его не слишком благовонное дыхание опустилось на моё лицо.

– Капля династической крови стоит дорогого, генерал. Чего бы я ни отдал за такую каплю! ... Что касается доказательств, то кому они нужны, если имеется достаточно слухов?

В сущности, он конечно, прав. Но будь я проклят, если понимаю, к чему всё это клонится. Вообще, моё мнение об интеллекте диких кочевников четырнадцатого века за эти часы подверглось сильной трансформации... Конечно, можно допустить, что судьба свела меня с особо продвинутыми представителями своего племени. Или таковы правила нашей инсценировки? Нет, похоже, всё гораздо сложнее.

Хан сделал паузу и отодвинулся, по-прежнему не сводя с меня взгляда.

– Не знаю, надолго ли меня хватит, генерал, – медленно произнёс он. – Но у меня есть дочь, как вы знаете. Вы – один из лучших наших генералов, солдаты от вас без ума. Что мешает нам основать новую династию – и вполне законную династию, учитывая эту самую пресловутую каплю крови...

Дочь? Я призвал на помощь Формулу, и перед моим мысленным взором предстало раскосое создание необъятных

размеров и неопределённого возраста, разряженное в меха, бусы и какие-то немислимые золотые украшения. М-да, просто иллюстрация из этнографического справочника. Или Париж стоит мессы? Впрочем, о чём это я – никто не собирается здесь особо задерживаться.

Я поклонился.

– Это большая честь, господин. Но сначала нам нужно выиграть битву...

Мамай отмахнулся.

– Битву... Мы выиграем битву, генерал. Однако, с учётом нашего разговора, постарайтесь завтра не особенно лезть на рожон...

Покидая шатёр, я поклонился ещё раз.

Он ни черта не понимает. Какой во всём этом смысл, если мне не удастся хорошенько отвести душу.

Возле моего шатра дожидался старший адъютант. (Возможно, здесь эта должность называется как-то иначе, но как – я, честное слово, не знаю. Во всяком случае, за мной на почтительном отдалении постоянно топчутся человек десять).

– На удивление, нам удалось поймать за окраиной деревни добрую дюжину поселянок. Они молодые и довольно хороши собой, на вид чистые. Я подумал, вы захотите посмотреть, генерал...

Я сделал рассеянный вид.

– Не сегодня, благодарю.... Возьмите их себе, потом отдайте солдатам. Никто не знает, кому из нас удастся пере-

жить завтрашний день.

Адъютант явно пришёл в восторг от моего великодушия и почтительно растворился.

...Поймать-то вы поймали, но кто их сотворил, как бы громко это не звучало? Отличные кадавры, живые на вид, но не более чувствительные, чем надувные куклы – для этих ребят именно то, что нужно.

Видимо, утреннее происшествие произвело на меня уж слишком неприятное впечатление.

Другой кадавр действовал за меня в повседневной жизни, сам я тоже изредка появлялся, – главным образом, чтобы устроить дела своих не слишком многочисленных знакомых. Было бы недопустимым эгоизмом оставить их наедине с угнетающим бытом – сейчас, при моих новых неограниченных возможностях.

Счастье не в деньгах, уж простите меня за трюизм, но кто его знает, что оно такое, это счастье? Особенно, если речь идёт о посторонних, в сущности, людях?

Я не взял на себя смелость играть в Бога и ограничился той самой материальной стороной дела. Всё-таки, неустроенность души значительно легче переносить, имея за ней приличный банковский счёт. Или кучу наличных под матрасом, что на мой вульгарный вкус даже спокойней.

Способы повышения материального уровня моих знакомцев не отличались особой изобретательностью – в основном,

я тупо подкидывал им адекватные суммы наличных в кошельках, кейсах и даже коробках из-под оргтехники. Интуиция меня не подвела – все новоявленные Крёзы молчали в тряпочку и не спешили поведать миру о своей удаче. Что-то в их поведении неуловимо менялось – но, пожалуй, заметить это мог только я – по понятным причинам.

Поначалу такая скрытность слегка задевала. Ну, медсестра Ленка. Ну, некоторые отдалённые родственники, избранные коллеги, институтские однокашники. Но Михалыч? Вероничка?

Всё-таки, жена (в сущности, бывшая, но развода не было, разве не так?) на поверку оказалась самым откровенным и, соответственно, близким мне человеком. В чём, собственно, никто и не сомневался.

Совершая все эти акты безграничного альтруизма, я не подозревал, что навлекаю на себя некие, довольно неприятные, последствия. Не в смысле нарушения Принципа Великого Равновесия – здесь как раз всё обстояло благополучно и ставки мои, как скоро выяснилось, только росли. Опасность медленно, но верно подкрадывалась с совершенно неожиданной стороны.

Впрочем, об этом мы ещё успеем...

Наступил туманный рассвет, и степь зашевелилась.

Многочисленная свита хана выехала на холм и столпилась, рассматривая горизонт. По мне, видно было не так уж

много – дымы костров и какие-то перемещения отблёскивающих металлом масс в клубах тумана. Хотел бы я иметь под рукой какую-нибудь штуку вроде инфракрасного бинокля – но об этом, конечно, не стоило и думать. Даже со ссылкой на хитроумных заморских колдунов.

– Впереди он ставит литовцев, – пробормотал старец Менге. – Сразу за ними – главный полк.

Интересно, он воспринимает колебания почвы, или попросту оперирует разведанными?

– В наших генуэзцах я уверен – они стойкие ратники. Но остальные – все эти ясы, касоги, половцы и кто там ещё...

– ...Сброд, конечно же, – вступил хан. – Но сброд, привычный к оружию. Грабить и убивать им нравится больше, чем ходить строем. От ордынской конницы они всегда бежали, не вынув меча из ножен. Но сегодня против них войска Дмитрия – в основном, вчерашние землепашцы. Кто окажется твёрже на поле битвы?

– Не я возьмусь предсказать это, господин, – пессимистически настроенный старец вздохнул.

Битва, и впрямь, затевается нешуточная. Похоже, победит тот, чья армия не разбежится первой.

– Возможно, нам с Чжу стоит сразу же обрушиться на их центр? – Бегич развернулся лицом к хану. Конь под ним слегка пританцовывал. – Если удастся опрокинуть их главные силы...

– Ни в коем случае, – в своей основной жизни я слишком

большой фан «Храброго сердца». Ничто не заставит меня очертя голову мчаться на чостокол выставленных копий. – Атакуем пехоту пехотой. Кавалерией ударим по флангам – когда центр завязнет. Конница Дмитрия – в сущности, дворянское ополчение. Если нам повезёт, она просто сбежит. В любом случае, мы её опрокинем.

Хан благосклонно наклонил голову.

– Что мне не нравится – так это вон тот лесок, – продолжил я. – Атакуя, мы неизбежно развернёмся к нему тылом. Если у Москвы хватит ума спрятать там достаточно большой отряд...

– Мы можем достать его осадными орудиями и расщепить там каждое дерево, – вступил одноухий, имени которого я так пока и не услышал. – Но потребуются несколько часов, чтобы собрать орудия.

– У нас нет этих часов, – Бегич продолжал пританцовывать вместе со своим здоровенным чёрным животным. – Если Тохтамыш пошлёт сюда армию... Я не хочу даже думать, что может произойти.

– Произойти может что угодно – например, явится наш осторожный союзник Ягайло, – Мамай говорил как бы сам с собой. – Но не подумает ли враг, что мы топчемся в нерешительности? Я не хотел бы их невольно приободрить.

– Не подумает – если мы вышлем парламентёров. Почему бы в последний раз не попытаться склонить московского князя к миру? Это вполне правдоподобно. Я готов ехать.

Мамай и прочие уставились на меня с интересом.
После непродолжительной паузы хан кивнул.

В свои последующие визиты Тамсанарп перестал утруждать себя звонками в дверь. Если я вызывал его, он материализовывался почти мгновенно и зависал в кресле. Именно зависал, в виде узнаваемого, но какого-то мерцающего и практически прозрачного силуэта. Наверно, затраты энергии на точное воссоздание человеческого облика теперь тоже стали неактуальны.

Если инициативу проявлял он, в моей голове возникал некий запрос. В случае согласия, всё происходило так же, как описано выше.

Разумеется, обычно я тут же соглашался. Собственно говоря, не могу припомнить ни единого отказа. Возможно потому, что гномон прекрасно выбирал время, место и ситуацию.

Поэтому, сейчас я был слегка удивлён. Но тут же покинул доблестное генеральское тело и перенёсся в свою квартиру.

– Прошу прощения, момент не самый подходящий, – пробормотал гость. – Хотя, как на это посмотреть. Может, даже к лучшему перевести дух перед таким рискованным предприятием.

Безукоризненная логика! И не столько перевести дух, сколько принять душ. В наших степях этого добра не добудешь, невзирая на звания и титулы. Выпивка, кстати, тоже

довольно мерзкая.

– Итак, о деле! – Тамсанарп сделал широкий круговой жест. – Я прибыл с поздравлениями. Вы, не побоюсь этого слова, удостоены девятой степени. Сегодня. Можно сказать, в данный момент.

Приятно конечно, но не очень ясно, какой от этого практический толк. И что, я должен забиться в электрических корчах, как Дункан Маклауд?

– Большое спасибо, – сказал я. (Именно так. Никаких хамских «Благодарю!»). Какие блага и кому ты даришь, парень?)

– Я так, понимаю, это большое событие?

Тамсанарп всплеснул призрачными руками.

– Да, и, самое главное – очень редкое. Что же касается достижения очередной степени через полтора месяца после Посвящения – я просто не могу припомнить ничего подобного.

Значит, ничего подобного и не было. Не думаю, что сгустки энергии могут страдать выпадением памяти.

– Да, так будет точнее. Несомненно.

Я осторожно промычал что-то невнятное и тут же был удостоен объяснений.

– Понимаю, вам не очень понятна разница – восьмая степень, девятая. Напоминаю, кстати, что высшей и последней является десятая. Что ж, как бы это попроще. . . . Возьмём обладателя первой степени. Сопоставим, для пущей ясности, с обычными для вас упражнениями. Пожалуй, он, будет в со-

стоянии уговорить девушку за неделю-другую... Или произвести за один приём грамм пятьдесят коньяку. В случае же малейшего нарушения Принципа, возможности оставят его мгновенно. Любые. Навсегда. При этом, память, почему-то, останется – что на мой взгляд, совершенно бессмысленно.

Зато весьма гуманно, пожалуй. В общем, я был сильно удивлён открывшейся стороной дела. Прямо-таки, не побоюсь этого слова, потрясён.

– Но мы говорили о вызове тайфунов, о...

Гномон энергично затряс предполагаемой головой.

– Ни о чём подобном при наличии первой... да что там – хоть шестой степени речь идти, естественно, не может.

– Вы об этом и словом не обмолвились...

Он сделал движение, словно пожимая плечами.

– Зачем бы я вдавался в эти малозначительные детали? У вас изначально была очень высокая восьмая степень. Казалось вполне естественным исходить из этого обстоятельства... со всеми вытекающими.

– Но почему – сразу восьмая? За что мне, так сказать, такой подарок?

Тамсанарп сделал паузу.

– Честно говоря, понятия не имею. Наверно, потому, что это именно подарок. Мне больше нравится слово «Дар». Я уже говорил вам – Посвящение, в сущности, невозможно заслужить. Нельзя и прийти к нему логическим путём. Оно находит вас случайно. И ему совершенно всё равно, что вы из

себя представляете с точки зрения окружающих, принятой на данный момент общественной морали, – даже свой собственной, и т.д. и т.п.

В общем, наилучшие шансы у безнадежных пропойц, наркоманов и сумасшедших. А также других категорий граждан, которые много и успешно заговариваются.

– Казалось бы, да, – согласился гномон. – Но на практике это почему-то не так... Впрочем, вам, вероятно, интересно знать, какие новые возможности означает это... ммм... повышение?

Я пожал плечами. Видит Бог, даже те, что у меня уже имеются, используются явно кое-как.

– Всего мы перечислять не будем – по моим наблюдениям, вам довольно хорошо удаётся ориентироваться самостоятельно. Если оставить в стороне тайфуны и цунами... Вероятно, вы уже осознали, что можете весьма эффективно воздействовать на поведение избираемых вами людей?

Ещё бы, безусловно, осознал.

– ...И обратили внимание на то, что, по мере возрастания количества объектов, это воздействие несколько... рассеивается, что ли?

Честно говоря, нет. Не то, чтобы я вообще стремился к расширению поля своей деятельности. Больше трёх дамочек зараз мне просто не осилить, а использовать заклинания в качестве виагры – это всё-таки какой-то перебор.

– ...Девятая степень, помимо всего прочего, дает возмож-

ность неограниченного воздействия на любое количество объектов, непосредственно попадающих в поле вашего зрения...

Ура! Я могу, наконец, стать поп-звездой. Или проповедником?

– К тому же, в случае не слишком серьёзного нарушения Принципа, вы потеряете всего одну степень – в сущности, окажетесь там же, где и были. И, вроде бы, чувствовали себя вполне комфортно?

Я внутренне собрался, чтобы успеть задать вопрос до того, как он предательски прозвучит в моём мозгу.

– Скажите, господин Тамсанарп... Если я когда-нибудь дослужусь до высшей степени... я смогу манипулировать всем человечеством?

Гномон сделал длинную паузу. Мне показалось, что его глаза на миг проявились на призрачном лице так же отчетливо, как при первой встрече.

– Мы обсудим этот вопрос, ...если вы, не побоюсь этого слова, «дослужитесь»... Кстати, такими темпами это может произойти быстрее, чем мы оба можем предположить.

В сопровождении своей обычной свиты, я подъехал к передовым постам противника. Из тумана неясно выплывал лагерь – такой же пропахший конскими запахами и сдержанно бряцающий железом, как наш. Такие же разномастные солдаты с тем же мрачным выражением на физиономи-

ях, – хотя масть, в целом, как будто несколько светлей. Круглые деревянные щиты, обтянутые кожей, сердцевидные щиты, крашенные киноварью, маленькие шлемы со свисающей кольчужной сеткой, островерхие шишаки, кожаные колеты, цельные панцири, кольчуги, длинные копья, короткие дротики, сабли, прямые мечи, лошади в доспехах, лошади, покрытые попонами, посконные белые рубахи, топоры, – всё это раздвигалось в обе стороны и скрывалось в тумане, по мере нашего продвижения.

Поначалу меня слегка беспокоило отсутствие белого флага или чего-нибудь в этом роде. Тем не менее, никто на нас не нападал. Видимо, в глазах врагов на зачинщиков атаки мы не тянули.

Наконец, дорогу нам загородила группа пеших, одетых более пышно, чем остальные. Мы также спешились.

– Кто такие? – зычно спросил здоровенный бородатый мужик в богато отделанных доспехах.

Я назвал себя.

Если бы ты знал, мужик...

– Великому князю нет дела до послов изменника Мамая. Убирайтесь восвояси, пока при головах.

Не то, чтобы я совсем не ожидал такого поворота...

Из-за спины грозного мужа, оттирая его плечом, высунулся коротышка – явный монгол с виду. Уставился на меня и расплылся в улыбке, окончательно утопив глаза в коричневых щеках. Мы с вами где-то встречались?

– Великий генерал Чжу! Какая честь видеть вас снова! Даже в этих обстоятельствах... Прошу вас, генерал!

Коротышка решительно раздвинул своих спутников. Те не особо сопротивлялись, но явно недоумевали.

– Генерал Едигей,.. – начал было здоровяк. Монгол мгновенно повернулся к нему и заговорил резким голосом. Улыбка уже не искажала его физиономию.

– Великий князь выслушает генерала. Генерал Чжу – не простой посыльный, которого можно прогнать, не слушая. Генерал Чжу – великий Карающий Меч, победитель князей и царей. Да, да, воевода. Сообщите о приезде генерала великому князю.

Вся компания поспешно ретировалась. Мы остались вдвоём.

Похоже, в наших краях я популярней, чем думал.

Но, возможно, этот льстивый тип просто ждёт подходящего момента, чтобы пырнуть меня в спину?

– Я рад видеть вас, Едигей, сказал я, сердечно, насколько вышло. (Прошу вас, звонок другу – кто такой этот самый Едигей?) – Раз вы здесь, то и армия хана тоже прибыла?

Вы скажете, дешёвый трюк. Но я где-то читал, что средневековые кочевники были крайне бесхитростны.

– Только передовой отряд, – коротышка искренне улыбался, глядя на меня снизу вверх. – Совсем маленький. Не думаю, что остальные успеют ко времени. Так что, сразимся с вами позже, генерал. Конечно, если на то будет ваша воля...

Говорил он это вполоборота, жестом приглашая меня следовать за собой.

Итак, полезной информацией я не разжился – кроме той, что, если меня и пырнут, то, похоже, не в спину.

Бородатый здоровяк, очевидно, никак не мог смириться с моим присутствием.

– Говори, посол, – он сурово насупился. – Время великого князя дорого.

В великокняжеском шатре было многолюдно. При этом князя и придворные стояли плотной толпой и переминались с ноги на ногу, что придавало им нетерпеливый вид и создавало постоянный лязгающий шум.

Сам Великий Князь Московский восседал на низком кресле, устланном ковром. Пожалуй, «восседал» будет сказано слишком громко. Скорее, он притулился боком, сжав руки перед собой и не фиксируя на мне взгляда. Зато стоявший прямо за креслом парень уставился так, что, похоже, временно разучился мигать. Я не мог не заметить, что он удивительно похож на князя – возможно слегка моложе выглядел. Или просто борода у него более редкая и светлая. Эта модная здесь растительность, конечно, придаёт мужественности, но и старит лет на десять. Интересно, как выгляжу я сам? Что-то мне до сих пор не попадалось ничего такого, во что можно посмотреться.

Я отвесил вежливый поклон в княжескую сторону – без уверенности, что это будет замечено. Князь, впрочем, слабо

кивнул.

– Мой государь шлёт тебе привет, Великий князь. Он спрашивает: должны ли мы перебить друг друга сегодня, и кто будет радоваться этому больше? Хан Тохтамыш, желающий гибели нашего улуса, или князь Ягайло, ждущий только удобного случая, чтобы разорить твой?

Взгляд Дмитрия на мгновение сконцентрировался на мне, затем перескочил на здоровяка-воеводу.

– Великий каган Тохтамыш – наш государь по праву, – загремел тот. – Он и от Ягайла, в случае нужды, нас оборонит. Твой же хан – самозванец и убийца законных наследников. Не разговаривать с ним будем, а воевать!

Этот кретин изъясняется почти как магистр Йода. И самое главное – князь не изъясняется вовсе. Что ж, моя основная задача – потянуть время. И это уже почти сделано.

– Князь не считал моего господина самозванцем, когда принимал от него ярлык на великое княжение...

Дмитрий поднял руку, словно прося слова. Оказалось, что голос у него довольно приятный, хотя и недостаточно монументальный.

– Тогда многое было неизвестно. Сейчас мы знаем, на чьей нам быть стороне.

Окружающие одобрительно загудели. Парень за креслом продолжал сверлить меня взглядом.

– Хан Тохтамыш – неудачливый полководец и неверный союзник. Ты можешь победить, князь, но всё равно не бу-

десь в безопасности. Объединив свои силы, ты и мой господин могли бы создать новое царство. И отстоять его – от Тохтамыша, даже от Хромого Тимура, если его взгляд обратится на эти земли.

Впервые за всё это время Дмитрий посмотрел на меня почти заинтересованно. И тут заговорил человек-из-за-спи-ны-с-пронзительным-взглядом.

– Великий князь не изменит данному слову. В остальном мы полагаемся на Божью милость. Битва рассудит правых и виноватых. Поторопись, посол, иначе ты можешь не успеть к началу.

Здесь разговаривают все, кроме самого князя. Или таковы обычаи Московского двора?

Я поклонился и направился восвояси. Князь сделал еле заметный прощальный жест. Вероятно, я всё же произвёл на него впечатление.

Едигей следовал за мной, но не проронил ни слова до тех пор, пока мы не проехали неприятельские боевые порядки, оказавшись на нейтральной территории. Здесь он придержал коня; я сделал то же самое. Некоторое время мы молча смотрели в спину моей удалявшейся свите.

– Я всегда восхищался вами, генерал. Но сегодня... вы находитесь не на той стороне. Ваш господин не стоит таких слуг. Я прошу вас... мы можем развернуться прямо сейчас.

– Это было бы слишком просто, не так ли?

– Сегодня вы упомянули Хромца. Но он не придёт в эти слишком отдалённые и бедные земли. Бедные – в сравнении с тем миром, который он считает своим. Возможно, пришлёт пару своих особо оголодавших беков – разграбить окраины.

– Вам прекрасно известно, как он относится к вашему хану...

– ...и поэтому я вижу себя на службе Московского князя. Тохтамыш падёт вслед за Мамаем; может быть, наоборот, – но нам-то какая разница, кому служить? Любому государю нужны хорошие мечи. А вы, генерал, лучший из всех, кого я знаю.

Определённо, в этом мире я – крайне значительная фигура. Впрочем, чему удивляться – это же моя инсценировка.

– Именно поэтому я не могу поехать с вами, генерал Едигей. Возможно, мы поговорим об этом позже. Если останемся в живых, разумеется.

– Я постараюсь. Начну с того, что не стану попадаться вам на поле боя, генерал.

Коротышка отсалютовал, развернулся и рысью двинулся обратно. Я остался на месте. Сопровождающие почтительно ожидали в полусотне шагов. Туман практически рассеялся. Обе армии пришли в движение, гул нарастал; в нём сливались конский и человеческий топот, ржание и выкрики, лязг металла и скрип повозок. Пробившиеся лучи солнца осветили бесчисленные знамёна и хоругви, отразились тысячами бликов от доспехов и оружия. Тут и там над клубами пыли

поднялись леса копий.

Торжественные приготовления к бойне...

Близкий топот копыт вырвался из общего шума. Я оглянулся. На нас, потрясая копьём, мчался одиночный всадник. Непохоже, что он торопится доставить забытые вещи.

– Сбить его стрелой, генерал?

Я покачал головой и развернулся. Если это вызов, то кому, как не мне его принимать?

...Вообще говоря, не слишком ли ты вошёл в образ, приятель?

На встречных курсах мы сближались быстро; через считанные секунды я разглядел, что противник огромен, как грёбаная гора, а конь под ним – настоящее чудовище. При этом сам я был в облегчённых «посольских» доспехах и, естественно, не имел оружия, кроме меча. Копьё огромного всадника оказалось огромной дубиной, кольчуга была надетая на чёрный балахон, вроде рясы.

До столкновения не оставалось и десяти метров – я прикинул, что в последний момент смогу уклониться влево и рубануть его через плечо.

Оскалившись, великан с размаху огрел моего коня дубиной по черепу. Про общество защиты животных он явно слыхом не слыхивал. С коротким ржанием бедное животное рухнуло на передние ноги. Я перелетел через его голову и всем телом впечатался в твёрдую степную почву. Протолкнул пару слов сквозь набитый пылью рот. Перевернулся на

бок, высматривая победителя первого раунда.

Громила сделал круг, вопя и размахивая окровавленной дубиной. Перехватил её поудобней и, набирая скорость, двинулся ко мне. Размахнулся. Свесился в седле.

Я продолжал лежать на боку, следя за ним одним глазом и напрягая левую руку.

Никому не советую недооценивать нас, монгольских генералов.

В тот момент, когда дубина, рассекая небо, пошла вниз, я спружинил, вскакивая на ноги. Тот же самый приём, только без лошади. Рубить пришлось снизу вверх, меч прошёл сквозь рёбра, наткнулся на позвоночник и вылетел из рук. От толчка я потерял равновесие и, уже лёжа, проводил оппонента взглядом. Он выронил своё оружие и обвалился на шею лошади; руки болтались, кровь заливала правый бок.

Чудовищный рёв ударил мне в уши с обеих сторон поля. Этакое долби пролоддик четырнадцатого века... Насколько я понимаю, все здесь бросили свои дела ради нашей потехи.

– Генерал, скорее!

Меня подняли и перебросили через спину лошади. Я не стал спорить и доказывать, что нахожусь в отличной форме. Ну, может быть, не в самой отличной...

Рёв продолжался, к нему добавился стук копий по щитам. Меня стремительно увозили с ринга.

Богом клянусь, все эти люди остались в полной уверенности, что мы поубивали друг друга!

И именно это они станут рассказывать внукам. Поскольку те, кто увидят меня на этом поле ожившим, никогда никому и ничего не смогут рассказать.

– Скажите, уважаемый наставник, – обратился я как-то на днях к Тамсанарпу. – Конечно, идея этих, так называемых, инсценировок безумно привлекательна. Но что, если меня на самом деле убьют?

Гномон пожал плечами.

– На самом деле вас убить невозможно. В конце концов, всё это происходит не на самом деле. И в любом случае, мне не приходилось слышать о каком-либо подобном инциденте.

Он ненадолго задумался.

– Для обеспечения своей безопасности вы можете активировать необходимые навыки и умения, создать стопроцентно эффективную систему защиты, наконец...

– ...Предположим, я не стану этого делать. Предположим, такой геймерский подход мне неинтересен, и я хочу настоящего адреналина?

Гномон слегка удивился.

– Насколько я понимаю, вы собираетесь посетить достаточно опасные места и времена. Без соответствующих модификаций... как бы это помягче... ваша прогулка окажется слишком короткой.

– Я же сказал – предположим. Что произойдёт, если до меня каким-то образом доберутся? Я действительно отбро-

шу коньки?

Гномон выглядел нешуточно встревоженным – я сужу по тому, что он не только полностью материализовался, но и воспарил в воздух на добрых полметра.

– Полагаю, вы попросту вернётесь в своё реальное время – и реального себя, соответственно. Но, насколько я помню, никогда и ничего подобного...

Что ни говорите, уверенным в себе он при этом совсем не выглядел.

Мамай расположил свою ставку на холме, позади войск, и картина, которая открывалась сверху, мне сразу не понравилась. Что-то в ней было не так.

На свободном пространстве между армиями уже начали схватываться застрельщики. С обеих сторон их поддерживали криками; степь впитывала в свою иссушённую грудь кровь первых неудачников.

Над отдалённым пригорком появился всадник; крутясь на месте и поднимая коня на дыбы, он просигналил бунчуком. Одноухий закончил свои приготовления – я поспел аккуратно к третьему звонку.

Ханский стяг поднялся в ответ. После небольшой паузы воздух содрогнулся, и первые снаряды с низким воем пролетели в сторону дубравы. Насколько я мог видеть, некоторые не долетели и рухнули перед целью, вздымая тучи пыли. Один зацепил край стоящего вблизи отряда и отколол от

него дальний угол, словно кусок от торта. Другие попали в точку, валя деревья; где-то в глубине леса вспыхнул огонь. До нас не доносилось ни звука – всё заглушал рёв тысяч глоток.

– Непохоже, что в лесу кто-нибудь есть, – старец Менге щурился, прикрыв рукой глаза от солнца. – Мы зря израсходуем заряды.

– По крайней мере, попугаем их, – мурза Бегич смотрел в том же направлении, – Я тоже ничего не вижу – например, разбегающихся из леса врагов.

– Возможно, они предпочитают храбро умереть на месте, – вступил князь со славянской внешностью.

Всё-таки, со зрением у них тут полный порядок. Причём, абсолютно у каждого. Возможно, стоит подкорректировать своё? Мне порядком надоело с умным видом пялиться в том же направлении, что и остальные, и при этом ровно ни хрена не различать. Это при моей-то общеизвестной крутости!

Всадник в багряном плаще на тяжёлом броненосном коне выехал из вражеских рядов. За ним следовало человек десять с чёрным стягом. От удара копья первый из наших вылетел из седла. Двое других были зарублены. Через несколько минут схватка стала общей – не менее полусотни застрельщиков сцепились в центре поля.

– Князь Дмитрий решил показать своим солдатам пример, – Мамай повернулся в мою сторону. – Жалеете, что оказались от него так далеко, генерал?

Я пожал плечами.

– Если богам будет угодно, мы сегодня ещё встретимся.

Что-то московский князь чересчур боек. Или как раз переговоры являются его слабым местом?

Красный всадник рубил направо и налево – потеряв ещё несколько человек, наши застрельщики рванули под прикрытие своих шеренг. Враги улюлюкали им вслед.

Над остовом выкорчеванного леса дым плясал в паре с огнём. Людей, желающих составить им компанию, мы так и не увидели.

– Начинайте атаку.

Взревели трубы, взметнулись бунчуки и стяги.

С мерным, ритмичным рокотом пехота тронулась вперёд. По центру шли рязанцы и генуэзцы. Разномастная орда наёмников занимала фланги.

Лучники сделали залп через головы и поспешно двинулись назад, уступая место следующим.

Вражеская пехота замедлила шаг, ловя стрелы щитами и телами. Тяжёловооружённые сомкнули ряды. Ополченцы валялись десятками, покрывая поле бело-красными рубахами.

– Наш фронт слишком растянут, – я, наконец, осознал причину своего смутного беспокойства. – Кавалерия не сможет атаковать фланги – мы упрёмся в спину своим.

Менге растянул рот в ухмылке.

– К тому времени, генерал... Я думаю, этот сброд или разбежится или будет перебит. Ручаюсь – места для ваших доб-

лестных рубак окажется сколько угодно. Я же надеюсь про-
рвать центр...

Он дёрнул поводья и тронулся вдогонку пехоте. Кавале-
рия стояла на месте – всадники в броне и с длинными копыя-
ми, всадники в лёгких панцирях, конные лучники на низко-
рослых лошадках.

Две тяжело дышащих толпы стремительно сближались,
ускоряя шаг, переходя на бег, и, наконец, ударились друг о
друга с рёвом, лязгом и грохотом ломаемых щитов. Издали
происходящее выглядело странно – казалось, время остано-
вилось, и ничто не двигается с места. Переведя взгляд на пе-
редний план, я увидел, как колонна за колонной втягиваются
в этот стоп-кадр, и осознал – мясорубка работает в полную
силу.

Они погибают от мечей или ломают себе кости в давке?
В следующий раз имеет смысл подумать о трансляции дей-
ствия с разных точек. Как выяснилось, полководец видит уди-
вительно мало – толпы неразличимых людей вдали и тучи
поднимаемой ими пыли. Дай бог отличить своих от чужих.
Впрочем, если разобраться, солдат видит и того меньше – и,
главное, совсем недолго.

Я окончательно потерял чувство времени. Спустя
несколько часов (или суток?) стало видно, что наш центр за-
метно продвинулся вперёд, а фланги сильно поредели и по-
дались. Показались бегущие назад люди, за ними с грохотом
гналась вражеская кавалерия.

Я посмотрел на хана. Он кивнул, полузакрыв глаза. Мы с Бегичем отсалютовали и разъехались.

Мне показалось, или вдали мелькнул багряный плащ?

Застоявшиеся кони набирали скорость быстро. Дробный гул копыт. Лязг доспехов. Вопли угодивших под копыта пехотинцев. Крик наших лучников, пустивших стрелы.

Вражеская конница замешкалась. Некоторые были убиты, другие явно запалили лошадей при погоне.

Мы врезались в их нестройные ряды и опрокинули врага, не сбавляя скорости. Я не мог оглянуться на то, что оставалось позади, но, видимо, больше всего это могло быть похоже на поле после битвы.

Да, это именно тот плащ, и до него от силы полсотни метров.

Слева уже показалась наша пехота. Мы развернулись вражескому центру в тыл.

Всадник под чёрным стягом оказался прямо передо мной. Не то, чтобы я успел проникнуться к нему какой-то особой ненавистью. Просто интересовался, каков он на самом деле.

К тому же, как ни верти, он главный у врага, то есть – главный враг. Так что, ничего личного.

Наклонившись, я всматривался в окровавленное лицо из-под разрубленного шлема.

Отсутствие носа не слишком способствует установлению личности. Тем не менее, экспертизы, кажется, не потребуются. Это не великий князь.

Парень-с-пронзительным-взглядом?

– Кто этот человек? – я обнаружил себя на земле, подомной кто-то корчился, отводя подбородком прижатый к горлу меч.

– Не убивайте.... Ради Бога! Это Михайла Бренок, оруженосец князя. Мы сами не знали.... Он был здесь весь день.... Никто не знает, где князь.

Я снова был в седле и смотрел в удалявшиеся спины солдат, которые гнали и убивали врагов.

– Полная победа, мой генерал, – старикашка Менге возник рядом, – обрызганный кровью, но совершенно невозмутимый. – У вас пробит налокотник. Я надеюсь, царапина?

Я кивнул и поочерёдно посмотрел на свои руки. Левая. Вообще говоря, это скорее приличная рубленая рана. Но крови мало, и боль не ощущается. Интересно, будет ли рука ныть перед дождём в реальной жизни?

Топот копыт сзади.

– Генерал Чжу! Генерал Менге!

Мы обернулись одновременно. Запылённый всадник с ханским бунчуком дышал едва ли не тяжелей, чем его лошадь.

– Великий хан срочно зовёт вас в ставку. Мы отступаем. Войско Тохтамыша внезапно появилось и напало на левый фланг. Генуэзцы перебиты. Рязанский князь и мурза Бегич мертвы.

Менге посмотрел на меня и заулыбался. Собственно го-

вора, это я так понял его гримасу. Кто-нибудь другой мог бы не на шутку перепугаться.

– Пожалуй, я стал стар для того, чтобы быстро бегать, – он кивнул в ту сторону, откуда появились первые отступающие. – Прекрасное место и время, чтобы ставить точку. Что скажете, генерал?

Оказывается, старый хрыч в душе – отъявленный романтик.

Он развернул коня и со скрежетом вытащил меч из ножен. Тронулся с места, перешел на рысь и вскоре скрылся из вида.

Автомобиль бесшумно глотал дорогу.

Конечно, я не смог бы пройти мимо «шелеста шин по шоссе», но тому существовало несколько препятствий.

Во-первых, отсутствие этого самого шелеста. Звуча не было, вроде бы, вообще – как и толчков или подбрасываний, что уже тогда могло бы навести меня на подозрения.

Во-вторых, я не слишком силён в автотерминологии и толком не знаю определения слова «шоссе». Во всяком случае, у меня нет уверенности, что так можно называть пространство, по которому я двигался. Главным образом потому, что по сторонам, впереди, или сзади просто не было видно. Мы обгоняли кого-то справа. Слева вдалеке появлялись встречные. Вроде бы, вполне опознаваемые машины – ничего похожего на корабли пришельцев. Некоторые модели я мог даже назвать. Но вот: поворотов, светофоров, бегущих

наперерез кошек, пешеходных дорожек, развязок, живописных видов, случайных прохожих, какой-нибудь обочины, дорожного поста, наконец, – ничего подобного не наблюдалось и близко.

...Кажется, я сказал: «мы обгоняли»? Это вышло только из-за того, что моя задница устроилась на пассажирском сиденье, – а значит, здесь должен был находиться кто-то ещё.

Не то чтобы я не мог посмотреть, кто управляет. Просто не сделал этого, что случилось и раньше. Возможно, из-за жары. Солнце действительно припекало нешуточно. Я отпустил стекло и выставил в окно руку. Скорее всего, здесь имелся кондиционер, но как-то нет во мне доверия к этим искусственным друзьям человека. (Смею добавить – к живым и гавкающим оно ещё меньше).

Мы обгоняли какой-то длинный прицеп, когда с него обрушилась железяка, оторвавшая мне кисть. Возможно, и не только кисть – во всяком случае, какая-то часть руки тут же оказалась отделенной от меня добрым километром, и это расстояние начало быстро увеличиваться. Боли я не ощутил – только внутреннюю пульсацию, которая толчками расшвыривала кровь по безупречной обивке салона.

Именно эта обивка – не обломок кости, торчащий среди неопределённого цвета, но быстро краснеющей массы, не своё крайне удивлённое лицо в зеркале заднего вида...

Именно её, проклятую, я наблюдал не меньше минуты, до того, как проснулся, сел на кровати, и, задыхаясь, попытался

нащупать в темноте свою руку.

Левую, естественно.

В конце концов, мне это удалось, и только тогда раздался телефонный звонок.

Я не последовал ни за гордым старцем Менге, ни за предусмотрительным ханом. Насколько я знаю историю, его предусмотрительность, в конце концов, стоила немногого. Впрочем, в данной реальности всё могло обернуться иначе...

С отроческих лет я помню тезис о том, что история не знает сослагательного наклонения. Школьные учебники свидетельствовали об этом непреклонно. Со временем до меня дошло, что, дело обстоит совсем наоборот. Однако учебники изменились настолько мало, что я стараюсь не преподавать своим ученикам историю.

...Пожалуй, на этом месте пора остановиться, Это не «Педагогическая поэма». Это, как говорится, совсем другая история. И она продолжается в тот момент, когда я переместился в свой мир.

Итак, он, как обычно встретил меня телефонным звонком.

Император был бледен, пот обтекал его лоб. Кровь быстро пропитывала ворот сюртука.

– Подойдите, Жуан...

Собственно говоря, подходить было уже незачем. Я достаточно опытный врач, чтобы определить летальный исход, находясь в шаге от человека, потерявшего ползатылка.

За холмом, делавшим нас невидимыми, находилось полтора десятка маршалов, плюс свита каждого из них – я думаю, человек триста, в общем – хороший эскадрон. Если бы мы атаковали во всём этом своём золотом шитье на мундирах и кирасах, битва была бы выиграна.

Очередная битва...

Он не хотел побед... Больше не хотел.

Но эта победа могла стать последней – и потому она была совершенно необходима. Ничто другое не смогло бы погнать его в дурацкую кавалерийскую атаку.

Случайная пуля – или это был осколок картечи – и судьба мира изменилась. Или только могла бы?

Гвардейцы продолжали прикрывать нас; падая под огнём, они смыкали ряды – как и предписано уставом. Для них «Устав» значил нечто большее, чем... скажем для меня.

Герцог Невшательский тяжело сполз с коня.

– Жуан?

Я поднялся, постарался посмотреть ему в глаза.

Бертье устало махнул рукой.

– Что теперь, Жуан? Действуем согласно плану, или...

Поднявшись, стоя по колено в грязи, я отсалютовал ему:

– Герцог... маршал... *Vive la Emperatour!*

Нам редкостно повезло – в этой суতোлке, пальбе, а глав-

ное – во всём этом дыму никто ни черта не видел. Позже мы могли сказать, что под императором убили лошадь. Собственно говоря, её убили тоже. И нам поверили.

Тот, кто был нам нужен находился рядом – с тех пор, как дела шли всё хуже, мы постоянно держали его поблизости.

...Моле нашёл именно я – года три назад, если память мне не изменяет. Его сходство с императором сначала показалось мне просто забавным. Потом, когда мы прошли в Фонтенбло мимо восторженно вытянувшихся гвардейцев, я понял, что за этим может таиться нечто большее, чем розыгрыш.

Император высказал своё одобрение. Так всё началось – и за Моле последовали другие.

Нам никого не пришлось уговаривать. Все актёры мечтают сыграть большую роль – независимо от меры своего таланта.

За всё время убрать пришлось двух.

Они переигрывали.

В последнее время я начал привыкать к неожиданным телефонным звонкам – обычно они раздаются вполне своевременно.

Этот, правда, пришёлся некстати – я был угнетающе трезв и продолжал тревожно ощупывать свою конечность. Возможно, моё сиплое «Слушаю...» позвучало не лучшим образом.

Собственно говоря, что у нас на часах? С этой новой жиз-

нюю я привык спать и бодрствовать по потребности – а, между прочим, мы продолжаем жить среди людей.

– Аркадий Сергеевич?

Голос, который следует записывать на автоответчики. Но, как известно, такие голоса стоят дорого – а экономия на потребителях закладывается в прибыль. Поэтому мы продолжаем слушать мерзкие голоса в мерзком воспроизведении.

– Да, это я.

Не лучший вариант, но примерно таков мой тембр на протяжении последних пяти-семи лет. Многим, кстати, нравится. Остальных, как будто, хотя бы устраивает.

– Доброе утро... это приёмная Самсонова. Роман Ильич хотел бы встретиться с Вами. Если возможно, сегодня...

Одобряю. Сказать «Вы» – это совсем не то, что написать. Видимо, приёмная у вас солидная, и посетить её стоит. Хотя бы из любопытства.

Знать бы ещё, о ком идёт речь.... В последнее время мой мир сузился настолько, что наибольшим начальником стал директор школы. Собственно, как вы знаете, даже и не он...

Разумеется, я могу с лёгкостью произнести фамилию Президента. Помню полдюжины депутатов Думы – тех, закоренелых, что не дадут о себе забыть. Если поднапрячься, назову фамилии нескольких министров – правда, не факт, что кого-то из них за это время уже не сняли.

Но вот на местном уровне.... Кстати, кто у нас теперь в градоначальниках?..

Какое мне дело? Есть вещи поинтересней.
Например – кто такой Р.И.Самсонов?

Местечко Арси-сюр-Об не заслужило места в истории.
Точнее говоря – попросту не получило.

Единственная причина – никто не знает, что там произошло.

Надеюсь, что и не узнает – собственно говоря, даже в этом случае, никто не поверит.

Потому что не захочет верить.

Мы укладывали его в повозку втроём – я, Бертье и Коленкур. Моле с гвардией уже отступал к Парижу.

У нас могли возникнуть сомнения – но дырка в задней части черепа не очень-то оставляла им места. В одежде императора Моле смотрелся совсем неплохо. Уверен, что наиболее упёртые из гвардейцев готовы были за него умереть.

Возможно, даже большая часть из них. Собственно говоря, что ещё они могли сделать в такой ситуации?

Слишком много побед – и слишком долго всё это продолжалось. Я имею в виду, – для тех, кто всё это время оставался жив.

Бертье и герцог Виченцкий двинулись в Париж.

Я сел управлять одним из самых удивительных катафалков в истории. Нам салютовали прусские и русские пушки. Процессию составляли мёртвые тела вдоль дороги. Группа служителей церкви и преданных подданных в моём лице

должна была произнести прощальные речи.

В то же самое время мертвец мчался в Фонтенбло и выглядел чуть ли не более живым, чем обычно.

– Большое спасибо. Машина будет ожидать Вас через десять минут.

Я машинально взглянул на часы. Десять, так десять. В службах такси про минуты обычно говорят «четыре» или «семь». Видимо, на всякий случай.

Тем не менее, для данной ситуации и этого как-то мало.

Вероятнее всего, мне следовало требовать полчаса, но что-то подсказывало, что такой срок не встретит понимания. Ошибка. Как выяснилось, не первая...

Я произнёс волшебное слово и ровно через десять минут вышел из лифта, благоухая свежевывбритой физиономией и являя миру свой лучший костюм от отечественного производителя.

Скользнул сквозь распахнутую дверь белого «Мерседеса».

Пора выяснить, кто меня помогается – причём делает это так, что я, совершенно машинально, соглашаюсь.

Слава Богу, Интернет для этого мне не нужен. Имеется свой. Без чатов, вирусов и порнографии. Так что даже не знаю, как это правильно назвать.

Итак, Роман Ильич...

Один из заместителей губернатора, человек, в сущности,

малозаметный.

Тем не менее, пара поколений поработали над тем, чтобы он назывался именно так. Не «Владим Палыч», не «Михал Борисыч». Даже не «Виталий Сергеич» или «Николай Александрыч». Именно «Роман Ильич» – как пишется, так и слышится. И, особенно важно, говорится. Конечно, «Ильич» в наших краях пока ещё звучит несколько тенденциозно. Но, согласитесь, гораздо менее тенденциозно, чем «Кузьмич».

Ещё раз: итак, Роман Ильич...

Личность довольно малозаметная – так сказать, не публичная. Хотя, в действительности, властью он обладал практически неограниченной – существенные губернаторские решения мимо проходили редко. Может, и никогда.

Маленький кабинет заместителя был лишь одной из пяти дверей в обширной приёмной. За остальными находились офисы референтов. Через них Роман Ильич общался с внешним миром и получал информацию о том, какие из проблем этого мира нуждаются в его внимании. И влиянии.

Само влияние происходило посредством секретного коридора, выходявшего напрямиком в комнату отдыха губернатора. Существование коридора, впрочем, не совсем доказано. Вроде как он был, но никто его собственными глазами не видел. Возможно, коридор имел место находиться исключительно в стране слухов.... Только вот слухов о Романи Ильиче ходило совсем немного. Можно сказать, не ходило вообще. Большинство обитателей обширной губернаторской ре-

зиденции, независимо от ранга, едва знали о его существовании, да не особенно-то и любопытствовали. Он казался слишком незначителен – не появлялся на приёмах; сидел на заседаниях в самом дальнем углу и практически никогда не открывал рта; не выступал с речами от имени администрации на презентациях и открытиях чего-либо; не шествовал по правую руку от хозяина.

Досье закончилось. Более объемистое, чем у Штирлица, но никак не помогающее ответить на главный вопрос – за каким хреном этому серому, или какого он там цвета, кардиналу потребовался я?

Вероятно, мне следовало насторожиться.

Но уж слишком я успел уверовать в свою неуязвимость. Можно даже сказать, безнаказанность.

Будущее показало, что это не так...

Начальственная машина беззвучно забрасывала под себя асфальт. За окном проносилось всё, чему положено там находиться, – но мысли выставить наружу руку или даже просто открыть окно у меня не возникало.

Император никогда не относился к собственной безопасности слишком серьёзно – для человека, проводящего большую часть жизни на биваках, внутри каре преданных гвардейцев, или под огнём на поле битвы это, наверно, естественно.

К тому же он искренне верил в любовь своего народа.

До определённого момента так оно и было. Ситуация стала меняться, когда он начал считать своим народом большую часть Европы.

Не будем спорить: основания для этого были. Император возвышался над потомками стареющих династий, словно римский бог. Многие из новых подданных приветствовали его вполне искренне. Но не все...

Разумеется, люди герцога Ровиго не дремали, – большинство заговорщиков удавалось обезвредить заранее, да и возможности их были слишком ограничены. Что ни говорите, начало девятнадцатого века – отравленные кинжалы, громоздкие однозарядные пистолеты и пороховые бочонки с короткими фитилями, которые нужно поджигать кремнем... Разумеется, всё это вполне может убить – но по эффективности не идёт ни в какое сравнение с теми средствами, что были придуманы за следующие полтора столетия. В конце концов, мы ведём речь о тех временах, когда для выяснения отношений армии выбирали какое-нибудь удобное отдаленное поле, а в города входили под гром оркестров. Впрочем, гражданским и тогда перепало по полной программе...

Итак, перестраховаться не мешало – а во время Русского похода и всех событий, что за ним последовали, это стало прямо-таки необходимостью. Царь Александр, видите ли, был просто одержим мыслью о том, что в отсутствие императора его маршалы и армии превратятся в стадо овец. (Как выяснилось впоследствии, по крайней мере, насчёт маршалов

он был, в общем-то, прав). Количество подсылаемых убийц возросло – к тому же по ночам нам то и дело приходилось отбиваться от партизан и казаков. Вообще, вся эта кампания явно не заладилась – с одной стороны, мы всё время побеждали и даже заняли их вторую столицу, с другой – вынуждены были убраться восвояси, так толком и не поняв, зачем пришли. Между прочим, продолжая одерживать победы на обратном пути.

Именно тогда всё и началось. По крайней мере, стало заметным. Я имею в виду – заметным мне. Слишком долго я был его врачом, и слишком хорошо его знал. Император мог преподносить сюрпризы. Своим подданным – но не тому человеку, который лечил его геморрой.

Я поделился с герцогом Виченцским. Явной реакции с его стороны не последовало – однако программа занятий с нашими дублёрами совершенно изменилась.

Раньше Коленкур хотел, чтобы они были похожи на императора.

Теперь мне казалось, что он ищет того, кто может им быть.

Флери был лучшим из троих. К сожалению, именно его постигла участь погибнуть в одну из этих промозглых ночей, когда мы двинулись в обратный путь. По слухам, казаки остались уверены в том, что убили, кого нужно. Но доказательств не оказалось, поскольку тело было затеряно в суматохе ночного боя. Таким образом, вся история стала выглядеть недостоверной, и была оставлена без внимания, а впо-

следствии и попросту забыта.

Здесь нам повезло. Невезение заключалось в том, что второй кандидат – не могу сейчас вспомнить его имени – имел глупость утонуть при переправе через Березину.

Мы остались с единственным Моле на руках – а у него имелся ряд существенных недостатков.

Вслед за водителем я прошествовал через какой-то, похоже, даже не служебный вход. Охранники здесь выглядели странно – никакого камуфляжа, никаких обшарпанных автоматов, прислонённых к стене. Обычные костюмы, вполне корректные лица. Честно говоря, это настораживало.

Нас пропустили, не спрашивая документов. С лёгким кивком узнавания. Водителя, разумеется. Его лица я, кстати, так и не рассмотрел.

Мы вошли в лифт, была нажата какая-то кнопка – номера этажа я тоже не видел, хотя ничья широкая спина мне его, вроде бы, не закрывала. Фокус такой? В смысле, быстрое движение руки...

Пока всё происходящее меня не слишком напрягало – я находился в достаточно хорошей форме. В смысле, мог дать фору персонажам из гонконгских боевиков. Так или иначе, вокруг не более чем реальная жизнь. В которой люди научились летать и уворачиваться от пуль. Вроде бы, необходимости в чём-то большем нет. Так-то оно так. Но некое беспокойство уже начало ёрзать льдинкой по позвоночнику.

Мы оказались в просторном помещении. Скромная, вполне стандартная отделка. В смысле – какие-то светлые обои и пять тёмных дверей. Пять, как и обещано.

Секретарша встала из-за лаконичного чёрного стола, который почему-то находился в центре помещения.

Удивительно не то, что на этом столе нет компьютера, и стоит всего один телефон. Я уж не говорю про отсутствие груды папок и отдельно разбросанных бумаг.

Удивительно даже не то, что по-над стенкой отсутствуют стулья или диваны для посетителей.

Удивительна она сама – девица примерно ста восьмидесяти сантиметров роста в чёрной юбке незначительно выше колена, такого же цвета туфлях на шпильке, белой блузе, светлых чулках и с невообразимой красотой на лице. Важная деталь – брюнетка со стрижкой «каре». В общем, практически мой тип женщины – хотя с ростом и небольшой перебор. Со всем небольшим. В сущности, не имеющий принципиального значения.

Вся эта красота двинулась нам навстречу, улыбаясь так, словно к ней зашли Том Круз на пару с Расселом Кроу.... С известием о том, что Домогаров уже на подходе.

– Коленька, спасибо.... Здравствуйтесь, Эдуард Сергеевич.

Голос не тот, что звонил – но какое значение это может иметь при визуальном, так сказать, контакте?

– Я свободен? – полуспросил водитель и сделал шаг назад, повернувшись ко мне вполборота. Он тоже улыбался!

Нормальное славянское лицо. Не скажу, что я смогу его, при случае, опознать, – но сяду в машину без сомнений.

– Эдуард Сергеевич...

Водитель коротко наклонил голову и удалился. Похоже, у них тут так принято – как пишется, так и говорится.

– Прошу, Эдуард Сергеевич. Роман Ильич Вас ждёт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.